

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

ГАМЛЕТ

①

WILLIAM SHAKESPEARE

all (Angl)
ШУ

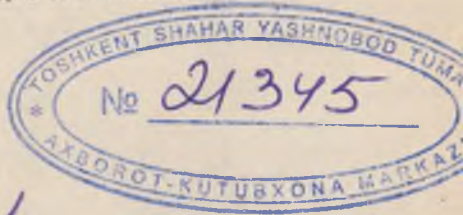
Б.О.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

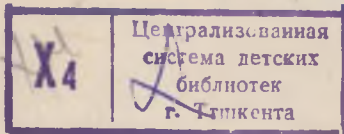
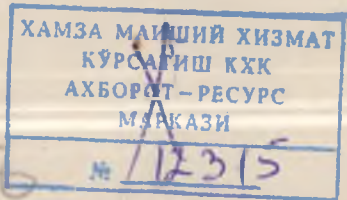
ГАМЛЕТ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

127.07.8

прод

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

И(Англ)
Ш41

Перевод М Лозинского

Комментарии М. М. Морозова

Вступительная статья И. Верцмана

Оформление А. Архиповой

ИИ 4803020000—500
М101(03)83

421—82

© Оформление. Вступительная статья.
Издательство «Детская литература», 1982 г.

ТРАГЕДИЯ МЫСЛИ И ВОЛИ

Среди пьес Уильяма Шекспира «Гамлет» — одна из самых известных. Героем этой драмы вдохновлялись поэты и композиторы, его часто вспоминают философы и политические деятели.

Огромный круг философских и этических вопросов переплетается в трагедии с вопросами общественными и политическими, характеризующими неповторимую грань XVI и XVII веков.

Шекспировский герой стал пламенным выразителем тех новых взглядов, которые принесла с собой эпоха Возрождения, когда передовые умы человечества стремились восстановить не только утраченное за тысячелетие средневековья понимание искусства древнего мира, но и доверие человека к собственным силам без упований на милости и помощь неба.

Общественная мысль, литература, искусство эпохи Возрождения решительно отбросили средневековые догмы о необходимости ежечасного смирения духа и плоти, отрешенности от всего реального, покорного ожидания того часа, когда человек перейдет в «потусторонний мир», и обратились к человеку с его мыслями, чувствами и страстями, к его земной жизни с ее радостями и страданиями.

Как мы узнаем из пьесы, Гамлет учился в городе, где вспыхнул великий бунт Мартина Лютера против папства. Однако в драме Шекспира важен не столько этот город, сколько «университет» как нарицательное обозначение рас-

садника новой, светской культуры. В высказываемых Гамлетом мыслях есть немало от вольнодумного опыта эпохи — идей итальянца Джордано Бруно, француза Мишеля Монтеня и других философов, у которых идеи носят жизнерадостный и целиком мирской характер.

Гамлет принадлежит той фазе эпохи Возрождения, когда природу и жизнь превозносили философы, воспевали поэты, влюбленно изображали художники. Ему свойственно возвышенное представление о назначении человека, душа его исполнена жажды чистоты и благородства в человеческих отношениях. Подобно великому утописту Томасу Мору, во всех интересах и делах людей он ищет разумность, справедливость, красоту.

Этот отрезок истории, который Ф. Энгельс охарактеризовал как «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством», два века, столь богатых шедеврами искусства и поэзии, титаническими проявлениями разностороннего человеческого гения, экономисты называют прозаично — эпохой «первоначального накопления». Накопления не умственной, духовной культуры, а капиталов для торговых операций и промышленных предприятий.

Практические успехи европейской буржуазии измеряются в данном аспекте не картинами и стихами, а золотыми слитками, войнами, первыми колониальными грабежами, насильственным обезземеливанием крестьянства.

Как писал К. Маркс в «Капитале», деньги стали «силой всех сил», а с ними вошли в быт и самые грязные методы обогащения, и «самые грубые насилия над личностью». Трудовой люд стал жертвой поистине «кровавого законодательства». Слепивший многих своими материальными успехами исторический прогресс обернулся для народа черной изнанкой.

Трагедия «Гамлет» — «зеркало», «летопись века». В нем отпечаток времени, когда не только отдельные личности — целые народы оказались как бы между молотом и наковальней: позади, да и в настоящем, — феодальные отношения, уже в настоящем и впереди — буржуазные отношения; там — суеверия, фанатизм и «кулачное право», здесь — вольнодумство, но и всемогущество золота. Общество стало гораздо богаче, но и нищеты стало больше; индивиду куда свободнее, но и произволу стало льготней.

Парадокс на парадоксе, и это не игра, а противоречия самого хода развития человеческого общества.

Какими путями воздействовали страдания народные на умы и сердца честных и умных людей, иногда самих хлебнувших горя, иногда настолько чутких и гуманных, что их полновало чужое горе? Какими путями — прямыми, окольными?

Слезами и проклятиями обездоленных, тех, кто был занят непосильным трудом, лишен крова и куска хлеба, наполнена трагедия «Гамлет»; из нее к нам доносится горькое разочарование в надеждах, будто история вынашивает «рай земной», страстное возмущение тем, что величайшая ценность, какую представляет собой человеческая жизнь, столкнулась с правопорядком, основанным на бесчеловечном законе богатства и власти.

Государство, в котором живет, изнывая от язв его и пороков, принц Датский, это вымышленная Дания. Писал же Шекспир о современной ему Англии. Все в его пьесе — герои, мысли, проблемы, характеры — принадлежит обществу, в котором жил Шекспир.

«Гамлет» наполнен столь глубоким философским содержанием, в трагедии дана такая широкая картина современной Шекспиру жизни, в ней созданы такие грандиозные человеческие характеры, что мысли и чувства писателя, заключенные в этом шедевре шекспировской драматургии, стали близки и созвучны не только его современникам, но и людям иных исторических эпох.

Впервые Гамлет появляется перед нами вместе с вошедшими в тронный зал Клавдием, Гертрудой, Полонием и его сыном Лаэртом, царедворцами.

Король не выпускает Гамлета из поля зрения, уговаривает его не возвращаться в Германию, где тот учился в Виттенбергском университете. Волнение Клавдия объясняется пот чем: принц Гамлет — законный наследник умершего короля, в Дании его наверняка предпочли бы Клавдию, так что для свежее испеченного монарха безопасней держать возможного соперника под неусыпным надзором. Лицемерный Клавдий обещает племяннику, а теперь и пасынку, ибо женат на его матери, всю «щедрость любви», отвлекает от скорби по отцу ходячей мудростью: все люди смертны, зачем

же «являть упорство в строптивом горе». Утешать Гамлета принимается и мать

Нельзя же день за днем, потупя взор,
Почившего отца искать во прахе
То участь всех: все жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет

Всматриваясь в Клавдия и притворно грустных вельмож, Гамлет обращается к своей якобы глубоко скорбящей матери с речью:

...Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
Ни бурный стон стесненного дыханья,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А это все — наряд и мишура.

Тайный смысл этих слов — в том, что явления жизни обманчивы: видим в них одно, а сущность их другая, особенно когда перед нами люди, как правило говорящие далеко не то, что думают.

Угрюмость Гамлета вызвана и недавней смертью отца, и тем, что его мать, «и башмаков не износив, в которых шла за гробом» любившего ее мужа, обвенчалась со своим деверем, ничтожеством и подлецом. О Клавдии и Гертруде Гамлет отзывается гневно:

О, пагубная женщина! — Подлец.
Улыбчивый подлец, подлец проклятый! —
Мои таблички, — надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом...

Гамлету давно открылось, как сильно может быть зло. Смерть отца и брак матери потрясли его душу, углубили его разочарование в жизни. Углубили, ибо еще до этого события он мрачно смотрел на жизнь, а преобладающим его настроением была меланхолия.

...Боже! Боже!
Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!

О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует

Вокруг себя он видит нравственных уродов. Главный министр Полоний — «жалкий, суетливый шут», усердно выполнявший при короле грязное дело шпиона; жеманный полван Оэрик — «скот», чьи «ясли всегда будут стоять у королевского стола», авось что-нибудь перепадет; Розенкранц и Гильденстерн — не только «губки», которые впитывают «благоволение короля, его щедроты, его пожалования», но и «две гадюки», готовые выполнить королевский приказ — смертельно «ужалить» Гамлета.

Весь мир в глазах Гамлета теперь отталкивающий. Беседа с Розенкранцем и Гильденстерном, подсланными к нему с целью выведать его отношение к ныне царствующему королю, он говорит им, что когда-то земля казалась ему «прекрасной храминой», воздух — «несравненным поломом», небо — «величественной кровлей, выложенной золотым огнем». А человек — «...как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса Вселенной! Венец всего живущего!»

Так было раньше. А теперь — гармония мира для Гамлета рушилась, и чарующую прежде картину он видит иначе: земля — не что иное, как «пустынный мыс», воздух — «мутное и чумное скопление паров», человек — «квинтэссенция праха».

Сам Гамлет признается, что последнее время «утратил всю свою веселость», «забросил все привычные занятия» и стал раздражительным от горечи, озлобления, отчаяния!

Однако все это лишь часть мучительных переживаний и раздумий Гамлета; не менее значительна другая часть.

Гамлет узнает, что продрогшим от холодного тумана караульным ночью явился Призрак, обликом поразительно схожий с покойным королем. Желая убедиться, что это не галлюцинация солдат, Гамлет направляется к скалистому морскому берегу. И здесь явившаяся Гамлету тень родного отца поведала ему: убийство совершено Клавдием и сын должен покарать убийцу.

Требование отца для Гамлета священно, но свидетельства Призрака все-таки недостаточно. Он решает вынудить

Клавдия признать свое преступление. Труппа бродячих актеров по просьбе Гамлета разыгрывает написанную им пьесу «Убийство Гонзаго»: некий герцог спит в саду, родственник вливает ему в ухо яд, после чего искушает его жену. Почти все как в Эльсиноре, только здесь — Вена, убийца — не брат, а племянник Люциан, жену зовут Баптиста. Спектакль будет служить «мышеловкой», «зрелищем-петлей, чтобы заарканить совесть короля».

И что же? Пока длилась бессловесная пантомима, король оставался спокойным, хотя сцена убийства достаточно ясна, но лишь началось само действие и раздались голоса актеров, король мгновенно удался.

Сомнений нет, Клавдий — убийца отца Гамлета. Но Гамлет откладывает и откладывает свою месть... Корит себя за медлительность:

О, что за дрянь я, что за жалкий раб!

.....
Тупой и вялодушный дурень...

И медлит... Почему?

Многочисленные укоры Гамлета самому себе — симптом раздвоенности духа, разобщенности мысли и воли.

«Трусам нас делает раздумье...» Между тем вялость и трусость не в натуре Гамлета. Вспомним, перед дуэлью с Лаэртом Гамлет страшит его, говоря: «Хоть я не желчен и не опрометчив, но нечто есть опасное во мне, чего мудрей стережись. Руки прочь!» Что Гамлет отважен, он докажет на пути в Англию, когда на его корабль нападут пираты. С обнаженной шпагой в руке он перескочит на палубу разбойничьего судна и будет сражаться один против целого экипажа.)

Не удивительно, ведь Гамлет — «человек судьбы», к нему сам «рок взывает», его не страшат никакие предвестия, он полон отваги — поистине «Немейский лев».

Да и от мщения за отца Гамлет вовсе не уклоняется — безжалостный ко всем, кого считает виновным. К родной матери он обращается со словами, полными гнева:

Рук не ломайте. Тише! Я хочу
Ломать вам сердце; я его сломаю,
Когда оно доступно пронизанью,
Когда оно проклятою привычкой
Насквозь не закалилось против чувств.

«Из жалости я должен быть жесток», — требует от самого себя Гамлет, когда изобличает свою мать в утрате женского достоинства.

В третьей сцене третьего акта Клавдий, охваченный угрызениями совести, которые не часто посещают его, стоит на коленях и молится. Воткнуть в его спину шпагу вошедшему Гамлету нетрудно, и он готов это сделать, если б не сковала мысль: убивая молящегося преступника, отправишь его душу на небо. Не лучше ли сделать это в ту минуту, когда Клавдий пьян или в ярости, когда душа его будет «черна, как ад, куда она отправится?»

Совсем близок к акту мщения Гамлет в материнской спальне, куда пришел обвинить ее в измене памяти мужа, а попутно раскрыть секрет своего притворного безумия и сообщить о предстоящем отъезде в Англию. Но едва он произнес свои первые слова, как услышал, что на крик о помощи испуганной его яростью матери кто-то отозвался за ковром. В полной уверенности, что там Клавдий, Гамлет обнажил шпагу и проткнул ковер... «Что за кровавый и шальной поступок!» — ужаснулась Гертруда. «Немногим хуже, чем в грехе проклятом, убив царя, венчаться с царским братом», — отвечает Гамлет. Пораженная этими словами, Гертруда переспрашивает: «Убив царя?» И Гамлет в ответ: «Да, мать, я так сказал». Затем, обнаружив труп Полония, холодно добавляет: «Я метил в высшего...»

Как видим, Гамлет беспощаден ко всем, кого считает заслужившим кары. Сожаления не проявляет он, когда убитым оказался не Клавдий, а Полоний. Впоследствии Гамлет, выкрад письмо Клавдия к английскому королю с требованием умертвить его, как только он прибудет в Англию, изменит текст письма, так что уготовленная ему участь постигнет его спутников Розенкранца и Гильденстерна — Клавдиевых «гадюк».

После встречи с Призраком, решив «в причуды облекаться иногда», Гамлет выворачивает наизнанку мерзкие душонки окружающих его царедворцев, мастерски пародирует их напыщенную манеру объясняться и держаться на людях.

Но бывает и так, что Гамлет теряет над собой контроль, становится невменяем и, подобно врачу, сам себе ставит диагноз: «Я наказан мучительным недугом». Лицо Гамлета — то холодная застывшая маска, то по нему скользят гримасы, улыбкой же оно никогда не озаряется.

Саркастические, даже грубые каламбуры Гамлета унизительны для тех, кому они адресованы. Веселых, безобидных от Гамлета ждать нечего. При этом он самобытен, «не дудка в пальцах у Фортуны», из уст его не вылетают стертые, банальные, ходячие словечки, даже грубости его неповторимы.

Пусть для язвительных стрел в короля и его придворных у Гамлета есть основания, но почему он и по отношению к Офелии желчен? Не беспричинно: дело в том, что трудно ей вникнуть в интриги, шашни, раболепие, без коих немислим королевский двор. Послушная дочь, она держит отца в курсе своих отношений¹ с Гамлетом, не догадываясь, что исполняет роль орудия слежки за ее любимым. Простодушие Офелии проявляется и в уверенности, что красота и добродетель всегда «в содружестве». Теперь, после измены матери его отцу, Гамлет другого на сей счет мнения: «...власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие». Не только целомудрие Офелии подвергает Гамлет сомнению, даже ее внешнее очарование.

Высмеивая Офелию, которую — ему мнится — презирает, а втайне глубоко любит, Гамлет несдержан в своих грубостях по ее адресу.

Испытывая страх от Гамлетовых вспышек безумия, Офелия вспоминает, каким он был еще сравнительно недавно:

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом. О, как сердцу снести!
Видав бывшее, видеть то, что есть!

Офелии не дано понять, что Гамлет — человек философской мысли, что в страданиях мысли, правдивой, требовательной, бескомпромиссной, — жребий Гамлета, что гамлетовское «я обвиняю» передает невыносимость его положения в конкретном мире, где извращены все понятия, чувства,

связи, где кажется ему, что время остановилось и «так есть, так будет» вечно.

Для принца пороки двора — концентрация нравов всей парадной, официальной жизни государства, опорой которого в трагедии выступают во всем угрожающий своему повелителю царедворец, скупщик недвижимости, чья «землевладельческая башка» набита поручительствами и взысканиями, судейский крючоктвор, неторопливый, когда разбирается дело бедняка. И хотя принц — сын короля! — во многом стоит н а д законом, он размышляет о судьбах людей, которых закон п о д м и н а е т под себя.

Как же относится к народу Гамлет? Не в дворцовых залах, а в караульнях, среди солдат, сердца которых для него всегда открыты, среди нищих актеров, доставляющих ему самые тонкие удовольствия, чувствует себя Гамлет в близкой ему стихии.

Большая душа Гамлета буквально исцеляется, когда он приходит в караульню. Солдаты разделяют с ним скорбь по старому королю, который остался в их памяти как мудрый глава государства. Весьма символичен следующий эпизод. Когда в спальню Гертруды явилась тень покойного монарха («Я посетил тебя, чтоб заострить притупленную волю») и еще раз напомнила Гамлету о его сыновнем долге, предавшая память мужа королева не видит Призрака, тогда как солдаты, честные парни, на берегу моря видели его.

Меткая фраза Марцелла, соединившая в себе и наблюдение и вывод: «Подгнило что-то в Датском государстве», — житейски трезво подкрепляет мрачную гиперболу принца: «Дания — тюрьма».

Перебрасываясь словами с могильщиками-балагурами, Гамлет узнает в их грубоватых шутках свою же философию жизни, ни во что не ставящую различия рангов, титулов, состояний.

К людям народа влечет душу Гамлета, к Гамлету — их души, «к нему пристрастна буйная толпа», но это взаимное тяготение не приводит к их соединению. Трагедия Гамлета — это и трагедия народа.

Всмотритесь пристальней в Гамлета. Задумываясь о смысле человеческого существования, он произносит самый волнующий и глубокий из своих монологов, первые слова которого давно уже стали крылатым выражением: «Быть или не быть — таков вопрос». Этот монолог содержит,

собственно, целый клубок вопросов. Тут и загадка «безвестного края, откуда нет возврата земным скитальцам», и многое другое. Но главное — выбор поведения в жизни. Быть может, «покоряться пращам и стрелам яростной судьбы?» — спрашивает себя Гамлет. «Иль, ополчась на море смут, сразить их противоборством?» Вот выход в самом деле героический. Не для того же создан человек «с мыслью столь обширной, глядящей и вперед и вспять», чтобы «богоподобный разум... праздно плесневел»!

Пусть Гамлет не титан действия в зримых, весомых результатах, но ведь из одних речей его исходит пламя, в котором сгорают дутые авторитеты властелина и по-собачьи преданной ему челяди, состоящей из вельмож и чиновников. Если не рапирой, то острым, как игла, язвительным словом пронзает Гамлет их мерзкие душонки.

Нелегко такое дается: чтобы бросить свой гнев в лицо врагам, Гамлету пришлось пройти сквозь все круги ада разочарований, причиняющих ему невыразимую муку.

Когда Гамлет предается мрачным раздумьям или впадает в ярость при виде пошлости, раболепства, цинизма, когда он с черепом шута Йорика в руке вспоминает, что часто целовал губы, закрывавшие вот эту уродливо отвисшую челюсть, или рассуждает о том, как выглядит после смерти красавица, как нашумевшие при жизни и проливавшие много крови политики превращаются в комок глины скверного запаха, — всегда мы чувствуем трагедию замечательной личности.

Трагичен ли образ Гамлета? Ведь так часто это оспаривается. Спрашивают, разве Гамлет не падает духом от малейшей неудачи, разве не растрачивается впустую весь его пыл, не попадают удары его мимо цели? Да, но это потому, что хочется ему большего, чем он в состоянии выполнить, и потому отвага его растрачивается впустую. Ведь самое страшное в трагедии Гамлета — не столько преступления Клавдия, сколько то, что в Дании за короткое время свыклись с деспотизмом и рабством, грубой силой и тупым послушанием, подлостью и трусостью. Самое страшное в том, что свершившееся злодейство теперь предано забвению теми, кто знает обстоятельства смерти короля. Вот перед чем в ужасе Гамлет.

«Слова, слова, слова». Как страдальчески и вместе с тем протестующе звучит в этом восклицании отказ от абстрактных умностей, если они не ведут к тому, чего так мучительно

хочется Гамлету,— к живому делу, отчаянной схватке с мерзостью эпохи.

После того так в тумане растаял Призрак, Гамлет так определил смысл дальнейшего своего существования: «Век расшатался — и скверней всего, что я рожден восстановить его!» Гамлет отмеряет свой долг не в масштабах королевской семьи, как внушал ему отец, а масштабами всего человечества: исправить порченное, гнилое общество всюду.

По силам ли это Гамлету? «Скверней всего», ибо Гамлет сознает всю огромность и невыполнимость задачи.

Эта декларация содержит двойкий смысл: Гамлета чаще влечет к философским раздумьям, но уж если судьба вручила ему титаническую миссию восстановить нравственное здоровье рода человеческого, навсегда избавить людей от подлости и негодяйства, Гамлет от этой миссии не отказывается: «Небеса велели... чтобы я стал бичом их...»

После этого не слабохарактерностью Гамлета объяснять надо его метания, колебания, умственные и эмоциональные тупики, а историческими условиями, когда народные бунты кончались поражениями. Слиться с народом — ни в его борьбе, ни в его временной покорности — Гамлет не мог.

Финал трагедии ужасен и возвышен одновременно. Перед дуэлью Лаэрт смазал кончик шпаги ядом, обрекая этим Гамлета на верную смерть даже от царапины, но до этого гибнет сам; Клавдий сыплет в кубок вина яд, желая отделаться наконец от Гамлета, но выпивает это вино королева Гертруда, и подлец Клавдий не удерживает ее, Гамлет же успевает заколоть его.

Гора трупов... Во вкусе публики эпохи Шекспира.

Ни одной драме зрелого Шекспира не приписывали столько композиционных недочетов, как «Гамлету».

Так, английский шекспировед А. Бредли оценил это произведение как наименее совершенное по форме, хотя и наиболее глубокое по содержанию.

На основании того, что непоследовательность Гамлета, иногда слишком порывистого, иногда безвольного, нарушает будто бы логичный ход действия, режиссеры многих стран чересчур уж вольно обрастают с текстом пьесы.

В драмах с динамичным, четким сюжетом, где каждый эпизод обусловлен предыдущим, момент перелома, когда

судьбы героев начинают круто меняться и все неудержимо стремится к счастливому или мрачному исходу, очевиден для всех.

В «Гамлете» же кульминационный пункт как-то неуловим; чаще всего он видится в сцене, где Гамлет наблюдает смятение Клавдия во время разыгрываемого бродячими актерами спектакля, после чего герою остается только перейти от слов к делу, а именно это у него никак не получается!

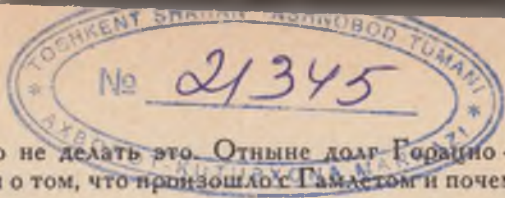
Справедливее отнести переломный момент к сцене беседы принца с королевой. В спальне своей матери он убивает Полонию, это приводит Офелию к сумасшествию, превращает Лаэрта из легкомысленного гуляки в яростного мстителя, затем следует единоборство Гамлета с Лаэртом и, наконец, кровавая развязка.

Однако ход трагедии Шекспира измеряется не физическим пространством и временем, а художественной идеей: сначала пыл активности в Гамлете воспламеняется видением старого короля; потом Гамлет взволнован поэтическим образом древнеримского героя, ярко воссозданным декламацией актера; в последней сцене на какой-то миг Гамлету показался идеальным героем норвежский принц.

Несколько зигзагообразное движение событий в трагедии обусловлено тем обстоятельством, что Гамлет не только мститель за отца своего, но и голос всего страждущего человечества, что умом его владеет неразрешимая для него проблема.

До последней минуты жизни сознание Гамлета гложет горькая мысль, что гниль, от которой он хотел очистить мир, оказалась намного сильнее его. Что с того, больше или меньше гадин породы клавдиев уничтожено, если ими кишит почва «негодяйства»? Вот где причины раздвоенности Гамлета: жажда мести вызывает его активность; обобщение, которое он сделал — слишком громадно зло, чтобы можно было его искоренить,— гасит его порывы.

Но даже потрясающая своим мрачным исходом трагедия не может посорить нас с жизнью. Гамлет несет в себе луч великой надежды — горячий интерес к будущему человечества. Последнее желание его — сохранить свое «раненое имя» в памяти потомства, и, когда Горацио намеревается допить остаток яда из кубка, чтобы умереть вслед за другом,

Гамлет молит его не делать это. Отныне долг Горацио — рассказать людям о том, что произошло с Гамлетом и почему он так страдал:

Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

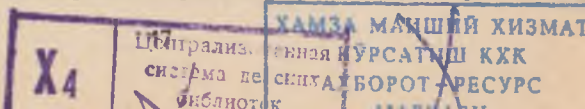
Повинуясь Гамлету, Горацио доставил успокоение его душе, исполненной предсмертной тоски. Именно эта просьба существенна для Гамлета, а не иллюзорное его упование на Фортинбраса как подходящего монарха для Дании. Обращение к Горацио показывает преданность Гамлета человечеству. Пусть Гамлет умер, остались честные Горацио, которые, не скрыв от других его колебаний и слабостей, понесут в будущее его героические идеалы и возвышенную мечту о подлинно человеческой жизни.

Бездействующая воля, если в ситуации безвременья она наполнена героизмом благородной мысли, способна при других, благоприятных условиях воспламенить волю к действию.

Зрители в театре, потрясенные ничем не заменимой утратой — погиб не кто иной, как Гамлет, — в недоумении слышат звуки бравурного марша, под который появляется на сцене Фортинбрас в блеске воинских доспехов. Что это, зачем? Для успокоения тех, кто испытывает беспокойство от трагических зрелищ? Может быть, правы те, кто, подобно Гёте, советовал убрать эту сцену?

Нет, в ней есть свое глубокое значение. Она дань историческому и нравственному оптимизму народа, которому не верилось, что темные силы могут в какой бы то ни было сфере одержать победу над добром. И это не только дань вкусам массовой публики XVI века, но и проявление существенной грани мировоззрения самого драматурга.

Гамлет — герой интеллекта и совести, и этим он выделяется из всей галереи шекспировских образов. Отелло великодушен, благороден и в то же время наивен, дик. Лир, пока он у власти, эгоистичен, как ребенок, а гуманная мудрость приходит к нему в форме безумия. Макбет умен, широк, могуч в своих страстях, но страсти эти темные, честолюбивые, аморальные. Только в Гамлете соединились блестящая цивилизованность и глубокая чувствительность, усовершен-

ствованный образованием ум и ничем не поколебленная нравственность. Он ближе, роднее нам, чем все другие герои Шекспира, и силой своей и слабостью. С ним гораздо легче мысленно подружиться, через него как бы сам Шекспир непосредственно общается с нами. Если Гамлета так легко полюбить, то это потому, что в нем мы чувствуем в какой-то мере себя; если иногда так трудно его понять, то это потому, что мы и себя не совсем еще хорошо знаем.

В истории культуры сложились две точки зрения на Гамлета. Одна: воплощенная нерешительность. Другая: не мягкосердечен, скор на действие.

Перешагнувший границы своего века, Гамлет — предтеча бунтарей, мятежных умов, каких история человечества знала немало. Вот почему Гамлета легко отделить от его личной судьбы и почему «столько Гамлетов» переосмысливались в разные эпохи по-разному.

Немецкий поэт И. В. Гёте осветил образ действия Гамлета как «великое деяние, тяготеющее над душой, которой такое деяние не по силам... Здесь дуб посажен в драгоценный сосуд, которому назначено было лелеять в своем лоне только нежные цветы; корни растут и разрушают сосуд».

Французский романтик В. Гюго открыл для себя в Гамлете пророка вечной неудовлетворенности как состояния человеческого духа в его грезах и порывах к лучшему. Он утверждал, что будь в Гамлете сила древнегреческого титана Прометея, он перевернул бы гнусный мир злодейства.

В России в 1837 году «Гамлет» был поставлен на сцене Малого театра с Мочаловым в главной роли. Этот спектакль вдохновил статью В. Белинского «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета». Вот как описана в ней игра этого актера: «Вдруг Мочалов одним львиным прыжком, подобно молнии, со скамеечки перелетает на середину сцены и, затопавши ногами и замахавши руками, оглашает театр взрывом адского хохота... О, какая картина, какое могущество духа, какое обаяние страсти!..»

Мочаловская трактовка образа Гамлета романтична. Позднее чаще можно было видеть интерпретацию реалистическую. Интересно, что восхищение мочаловским Гамлетом вдохновило нашего критика осветить шекспировскую трагедию и с точки зрения исторической.

Великий русский критик писал: «...вот идея Гамлета:

слабость воли, но только вследствие распада, а не по его природе. От природы Гамлет человек сильный: его желчная ирония, его мгновенные вспышки, его страстные выходки в разговоре с матерью, гордое презрение и нескрываемая ненависть к дяде — все это свидетельствует об энергии и великости души».

В этой пьесе, «блистательнейшем алмазе в лучезарной короне» Шекспира, Белинский увидел драматически воплощенную философию того переходного исторического момента в жизни людей, когда дисгармоничный мир, переполненный до краев напряженными конфликтами старого с новым, требует отказа от слепой веры и наивности. В подтексте статьи Белинского таится явный намек: как со своим обществом Гамлет не примирился, так не примирился бы с обществом XIX века, будь он его современником.

«Характер Гамлета... до такой степени общечеловеческий, особенно в эпоху сомнений и раздумья, в эпоху сознания каких-то черных дел, совершившихся возле них, каких-то измен великому в пользу ничтожного и пошлого, что трудно себе представить, чтоб его не поняли», — писал А. И. Герцен.

Иначе понял Гамлета И. С. Тургенев. В его склонности во всем сомневаться, в его бездонном скептицизме он нашел нечто разрушительное, будто в критике своей Гамлет не знает предела, меры, что делает его черствым и бессердечным.

10 января 1860 года в своей речи «Гамлет и Дон Кихот» Тургенев отдал интеллектуальное преимущество Гамлету, а моральное — Дон Кихоту. Пусть Дон Кихот «странный и смешной чудак, на которого так щедро сыплются удары», зато он несет с собой «веру в нечто вечное, незыблемое», активно стремится водворить на земле справедливость. Что хорошего в том, что Гамлет «сам себя терзает», ведь это оттого, что «ум его слишком развит», весь истончен иронией. Сочувствие вызывает в Тургеневе лишь трагичность страданий Гамлета, превосходящих страдания Дон Кихота из-за неудач его смешных подвигов.

Что всякая «умственность» мешает проникнуться народной мудростью, разъедает чувство общности с народом, объявил Лев Толстой, и потому он развенчал шекспировского Гамлета, сделав по его адресу несколько замечаний в статье «О Шекспире и о драме».

«Нет никакой возможности,— писал Л. Толстой, — найти какое-либо объяснение поступкам и речам Гамлета и потому никакой возможности приписать ему какой бы то ни было характер».

Великие писатели Тургенев и Лев Толстой, подвергшие суровой критике пороки русского общества XIX века создавшие гениальные образы правдоискателей, ополчаются против Гамлета, не приемлют его «озлобленный ум», но мы согласны не с ними, а с Белинским и Герценом.

«Если он велик, то это в «Гамлете», если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир,— то это в «Гамлете»,— читаем мы в письме М. Ю. Лермонтова к М. А. Шан-Гирей.

Итак, несгибаемый, как меч, Гамлет и Гамлет мягкосердечный — оба далеки от подлинного, сложного своей противоречивостью. Ибо прежде всего Гамлет — человек большой Совести, а совесть не должна оставаться безмолвной, иначе она становится «вывеской трусости». Пусть свою действительность Гамлет изменить не мог, пусть в его время господствовал принцип: «Монархи имеют божественное право управлять несправедливо», высказанное Гамлетом уже четыре столетия будоражит умы людей, обостряет их интеллектуальное зрение на все дурное, являет пример недоверия ко всему, что иные торопятся выдать за полное благополучие. Вот что дает основание считать Гамлета нашим соратником сегодня и вот почему он завоевал себе прочное место среди «вечных спутников» человечества, если воспользоваться выражением Ромена Роллана.

В нелегкой борьбе за лучшее будущее, и не только против сил зла, но и против всевозможных иллюзий, свойственная Гамлету беспощадность мысли и жадность к истине — особенно вдохновляющи.

Гамлет — наш соратник в борьбе за правду и справедливость, частица духа каждого честного и мыслящего человека в суровой борьбе за полное искоренение зла в мире. Вот в чем причина неубывающего интереса к этой трагедии и множества постановок ее в театрах всех стран.

И. Верман

HAMLET,
PRINCE OF DENMARK

ГАМЛЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий, король Датский.

Гамлет, сын покойного и племянник царствующего короля

Фортинбрас, принц Норвежский.

Полоний, ближний вельможа.

Горацио, друг Гамлета.

Лазерт, сын Полония.

Вольтиманд

Корнелий

Розенкранц

Гильденстерн

Озрик

Первый дворянин

Второй дворянин

Священник.

Марцелл

Бернардо

} офицеры.

Франсиско, солдат.

Рейнальдо, слуга Полония.

Актеры.

Два могильщика.

Капитан.

Английские послы.

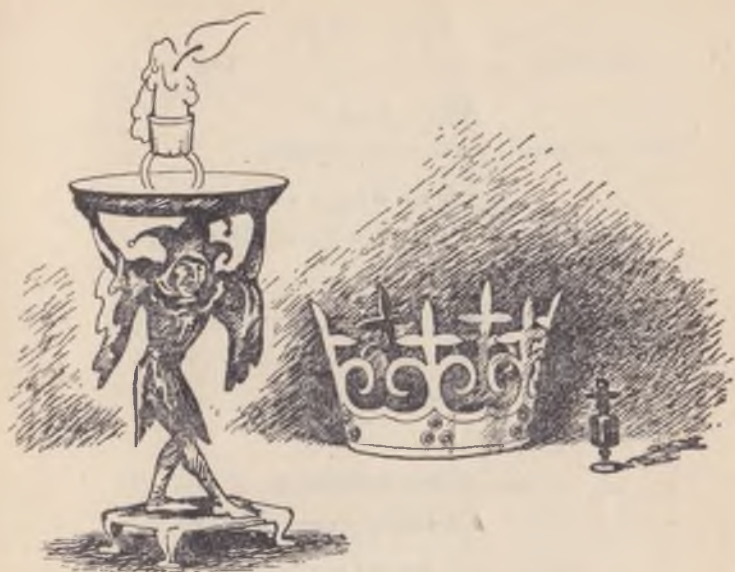
Гертруда, королева Датская, мать Гамлета.

Офелия, дочь Полония.

Призрак отца Гамлета.

Вельможи, дамы, офицеры, солдаты, моряки, гонцы и другие слуги.

Место действия — Эльсинор*

А К Т I

СЦЕНА I

Эльсинор. Площадка перед замком.
Франсиско на страже. Входит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франсиско

Нет, сам ответь мне; стой и объявись.

Бернардо

Король да здравствует!

Франсиско

Бернардо?

Б е р н а р д о

Он

Ф р а н с и с к о

Вы в самое пожаловали время.

Б е р н а р д о

Двенадцать бьет; иди ложись, Франсиско

Ф р а н с и с к о

Спасибо, что сменили; холод резкий,
И мне не по себе.

Б е р н а р д о

Все было тихо?

Ф р а н с и с к о

Мышь не шевельнулась.

Б е р н а р д о

Ну, доброй ночи.

И, если встретишь остальных — Марцелла
Или Горацио, — поторопи их.

Ф р а н с и с к о

Я их как будто слышу. — Стой! Кто тут?

Входят Горацио и Марцелл.

Г о р а ц и о

Друзья стране.

М а р ц е л л

И люди датской службы.

Ф р а н с и с к о

Покойной ночи.

М а р ц е л л

С богом, честный воин.

А кто сменил тебя?

Ф р а н с и с к о

Пришел Бернардо

Покойной ночи.

(Уходит.)

М а р ц е л л

Эй! Бернардо!

Б е р н а р д о

Что,

Горацио с тобой?

Г о р а ц и о

Кусок его*.

Б е р н а р д о

Привет, Горацио; Марцелл, привет.

М а р ц е л л

Ну, что, опять сегодня появлялось?

Б е р н а р д о

Я ничего не видел.

М а р ц е л л

Горацио считает это нашей
Фантазией, и в жуткое виденье,
Представшее нам дважды, он не верит;
Поэтому его я пригласил
Посторожить мгновенья этой ночи,
И, если призрак явится опять,
Пусть взглянет сам и пусть его окликнет.

Г о р а ц и о

Чушь, чушь, не явится.

Б е р н а р д о

Давайте сядем

И двинем вновь на штурм твоих ушей,
Для нашего рассказа неприступных*,
Все, что мы видели.

Г о р а ц и о

Ну хорошо,
Присядем и послушаем Бернардо.

Б е р н а р д о

Минувшей ночью,
Когда вон та звезда, левей Полярной,
Пришла светить той области небес,
Где блещет и теперь, Марцелл и я,
Едва пробило час...

Входит Призрак.

М а р ц е л л

Тс-с, замолчи! Смотри, вот он опять!

Б е р н а р д о

Совсем такой, как был король покойный.

М а р ц е л л

Ты книжник; обратись к нему, Горацио*.

Б е р н а р д о

Похож на короля? Взгляни, Горацио.

Г о р а ц и о

Да, я пронизан страхом и смущеньем!

Б е р н а р д о

Он ждет вопроса*.

М а р ц е л л

Спрашивай, Горацио.

Г о р а ц и о

Кто ты, что посягнул на этот час
И этот бранный и прекрасный облик,
В котором мертвый повелитель датчан
Ступал когда-то? Заклинаю, молви!

М а р ц е л л

Он оскорблен.

Б е р н а р д о

Смотри, шагает прочь!

Г о р а ц и о

Стой! Молви, молви! Заклинаю, молви!

П р и з р а к у х о д и т .

М а р ц е л л

Ушел — и не ответил.

Б е р н а р д о

Ну что, Горацио? Дрожишь и бледен?
Пожалуй, это не одна фантазия?
Что скажешь ты?

Г о р а ц и о

Клянусь вам богом, я бы не поверил,
Когда бы не бесспорная порука
Моих же глаз.

М а р ц е л л

Похож на короля?

Г о р а ц и о

Как ты сам на себя.
Такой же самый был на нем доспех,
Когда с кичливым бился он Норвежцем*;
Вот так он хмурился, когда на льду
В свирепой схватке разгромил поляков.
Как странно!

М а р ц е л л

И так он дважды в этот мертвый час
Прошел при нашей страже грозным шагом.

Г о р а ц и о

Что в точности подумать, я не знаю;
Но вообще я в этом вижу знак
Каких-то странных смут для государства.

М а р ц е л л

Не сесть ли нам? И пусть кто знает, скажет,
К чему вот эти строгие дозоры
Всеночно трудят подданных страны?
К чему литье всех этих медных пушек
И эта скупка боевых припасов,
Вербовка плотников, чей тяжкий труд
Не различает праздников от будней?
В чем тайный смысл такой горячей спешки,
Что стала ночь соотрудницею дня?
Кто объяснит мне?

Г о р а ц и о

Я, по крайней мере,
Есть слух такой. Покойный наш король,
Чей образ нам сейчас являлся, был,
Вы знаете, норвежским Фортинбрасом,
Подвигнутым ревнивою гордыней,
На поле вызван; и наш храбрый Гамлет —
Таким он слыл во всем известном мире —
Убил его; а тот по договору,
Скрепленному по чести и законам,
Лишался вместе с жизнью всех земель,
Ему подвластных, в пользу короля,
Взамен чего покойный наш король
Ручался равной долей, каковая
Переходила в руки Фортинбраса,
Будь победитель он; как и его
По силе заключенного условия
Досталась Гамлету. И вот, незрелой
Кипя отвагой, младший Фортинбрас
Набрал себе с норвежских побережий
Ватагу беззаконных удальцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб, и то не что иное —
Так понято и нашею державой, —
Как отобрать с оружием в руках,
Путем насилья, сказанные земли,
Отцом его утраченные; вот
Чем вызваны приготовленья наши
И эта наша стража, вот причина
И торопи и шума в государстве.

Б е р н а р д о

Я думаю, что так оно и есть.
Вот почему и этот вещий призрак
В доспехах бродит, схожий с королем,
Который подал повод к этим войнам

Г о р а ц и о

Соринка, чтоб затмился глаз рассудка.
В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий*
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
Визжали и гнусили мертвецы;
Кровавый дождь, косматые светила,
Смущенья в солнце, влажная звезда*,
В чьей области Нептунова держава*,
Болела тьмой, почти как в судный день;
Такие же предвестья злых событий,
Спешащие гонцами пред судьбой
И возвещающие о грядущем,
Явили вместе небо и земля
И нашим соплеменникам и странам.

П р и з р а к возвращается.

Но тише, видите? Вот он опять!
Иду, я порчи не боюсь*.— Стой, призрак!
Когда владеешь звуком ты иль речью,
Молви мне!
Когда могу я что-нибудь свершить
Тебе в угоду и себе на славу,
Молви мне!
Когда тебе открыт удел отчизны,
Предвиденьем, быть может, отвратимый,
О, молви!
Или когда при жизни ты зарыл
Награбленные клады, по которым
Вы, духи, в смерти, говорят, томитесь,

Поет петух.

То молви; стой и молви! Задержи
Его, Марцелл.

Марцелл

Ударить протазаном?*

Горацио

Да, если двинется.

Бернардо

Он здесь!

Горацио

Он здесь!

Призрак уходит.

Марцелл

Ушел!

Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья;
Ведь он для нас неуязвим, как воздух,
И этот жалкий натиск — лишь обида.

Бернардо

Он бы ответил, да запел петух.

Горацио

И вздрогнул он, как некто виноватый
При грозном оклике. Я слышал, будто
Петух, трубач зари, своей высокой
И звонкой глоткой будит ото сна
Дневного бога, и при этом зове,
Будь то в воде, в огне, в земле иль в ветре,
Блуждающий на воле дух спешит
В свои пределы; то, что это правда,
Нам настоящий случай доказал.

Марцелл

Он стал незрим при петушином крике.
Есть слух, что каждый год близ той поры,
Когда родился на земле спаситель,
Певец зари не молкнет до утра;
Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не разят планеты,

Безвредны феи, ведьмы не чаруют,—
Так благостно и свято это время.

Г о р а ц и о

Я это слышал и отчасти верю.
Но вот и утро, рыжий плащ накинув,
Ступает по росе восточных гор.
Прервемте стражу; и, я так бы думал,
То, что мы ночью видели, не скроем
От молодого Гамлета; клянусь,
Что дух, немой для нас, ему ответит.
Согласны вы, чтоб мы ему сказали,
Как это нам велят любовь и долг?

М а р ц е л л

Да, я прошу; и я сегодня знаю,
Где нам его найти всего верней.

Уходят.

СЦЕНА 2

Парадная зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Гамлет, Полоний,
Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий, вельможи и слуги.

К о р о л ь

Смерть нашего возлюбленного брата
Еще свежа, и подобает нам
Несть боль в сердцах и всей державе нашей
Нахмуриться одним челом печали,
Однако разум поборол природу,
И, с мудрой скорбью помня об умершем,
Мы помышляем также о себе.
Поэтому сестру и королеву,
Наследницу воинственной страны,
Мы, как бы с омраченным торжеством —
Одним смеясь, другим кручинясь оком,
Грустя на свадьбе, веселясь над гробом,
Уравновесив радость и унынье,—
В супруги взяли, в этом опираясь

На вашу мудрость, бывшую нам вольной
Пособницей. За все — благодарим.
Теперь другое. Юный Фортинбрас,
Ценя нас невысоко или мысля,
Что с той поры, как опочил наш брат,
Пришло в упадок наше королевство,
Вступил в союз с мечтой самолюбивой
И неустанно требует от нас
Возврата тех земель, что в обладанье
Законно принял от его отца
Наш достославный брат. То про него.
Теперь про нас и про собрание наше.
Здесь дело таково: мы просим этим
Письмом Норвежца, дядю Фортинбраса,
Который, немощный, едва ль что слышал
О замыслах племянника, пресечь
Его шаги, затем что и наборы
И все снабженье войск обременяют
Его же подданных; и мы хотим,
Чтоб ты, мой Вольтиманд, и ты, Корнелий,
Свезли посланье старому Норвежцу,
Причем мы вам даем не больше власти
В переговорах с королем, чем здесь
Дозволено статьями. Добрый путь.
Поспешностью отметьте ваше рвенье.

Корнелий и Вольтиманд
Здесь, как во всем, мы явим наше рвенье.

Король

Мы в том не сомневались; добрый путь.

Вольтиманд и Корнелий уходят.

А ты, Лаэрт, что нам расскажешь ты?
О чем ты нас хотел просить, Лаэрт?
Пред Датчанином голос твой напрасно
Не прозвучит. Что мог бы ты желать,
Чего бы сам тебе не предложил я?
Не так родима сердцу голова,
Не так рука услужлива устам,
Как датский скипетр твоему отцу.
Что б ты хотел, Лаэрт?

Лаэрт

Мой государь,
Дозвольте мне во Францию вернуться;
Хотя оттуда я и прибыл сам
Исполнить долг при вашей коронации,
Но, сознаюсь, теперь мои надежды
И помыслы опять назад стремятся
И ждут, склонясь, от вас соизволения.

Король

А как отец? Что говорит Полоний?

Полоний

Он долго докучал мне, государь,
Настойчивыми просьбами, пока
Я не скрепил их нехотя согласьем.
Я вас прошу, дозвольте ехать сыну.

Король

Что ж, в добрый час, Лаэрт; твоим будь время,
И трать его по мере лучших сил! —
А ты, мой Гамлет, мой племянник милый...

Гамлет

(в сторону)

Племянник — пусть; но уж никак не милый.

Король

Ты все еще окутан прежней тучей?

Гамлет

О нет, мне даже слишком много солнца.

Королева

Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет,
Взгляни как друг на датского владыку.
Нельзя же день за днем, потупя взор,
Почившего отца искать во прахе.
То участь всех: все жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет

Г а м л е т

Да, участь всех.

К о р о л е в а

Так что ж в его судьбе
Столь необычным кажется тебе?

Г а м л е т

Мне кажется? Нет, есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,
Ни бурный стон стесненного дыханья,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят меня; в них только то,
Что кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А это все — наряд и мишура.

К о р о л ь

Весьма отрадно и похвально, Гамлет,
Что ты отцу печальный платишь долг;
Но и отец твой потерял отца;
Тот — своего; и переживший призван
Сыновней верностью на некий срок
К надгробной скорби; но являть упорство
В строптивом горе будет нечестивым
Упрямством; так не сетует мужчина;
То признак воли, непокорной небу,
Души нестойкой, буйного ума,
Худого и немудрого рассудка.
Ведь если что-нибудь неотвратимо
И потому случается со всеми,
То можно ль этим в хмуром возмущенье
Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, чье наставленье
Есть смерть отцов, чей вековечный клич
От первого покойника доньне:

«Так должно быть». Тебя мы просим, брось
Бесплодную печаль, о нас помысли,
Как об отце; пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю. Что до твоей заботы
Вернуться для ученья в Виттенберг*,
Она с желаньем нашим в расхожденье.
И я прошу тебя, склонись остаться
Здесь, в ласке и в утехе наших взоров,
Наш первый друг, наш родич и наш сын.

К о р о л е в а

Пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет,
Останься здесь, не езди в Виттенберг.

Г а м л е т

Сударыня, я вам во всем послушен.

К о р о л ь

Вот любящий и милый нам ответ!
Будь здесь, как мы.— Сударыня, идемте;
В согласье принца, вольном и радушном,—
Улыбка сердцу; в знак чего сегодня
На всякий ковш, что Датчанин осушит,
Большая пушка грянет в облака,
И гул небес над королевской чашей
Земным громам откликнется. Идем.

Трубы.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Г а м л е т

О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!
Иль если бы предвечный не оставил
Запрет самоубийству! Боже! Боже!
Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется все, что ни есть на свете!
О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти!

Два месяца, как умер! Меньше даже.
Такой достойнейший король! Сравнить их —
Феб и сатир. Он мать мою так нежил,
Что ветрам неба не дал бы коснуться
Ее лица. О небо и земля!
Мне ль вспоминать? Она к нему тянулась,
Как если б голод только возрастал
От насыщения. А через месяц...
Не думать бы об этом! Бренность, ты
Зовешься: женщина! — и башмаков
Не износив, в которых шла за гробом,
Как Ниобея, вся в слезах, она —
О боже, зверь, лишенный разума,
Скучал бы дольше! — замужем за дядей,
Который на отца похож не боле,
Чем я на Геркулеса. Через месяц!
Еще и соль ее бесчестных слез
На покрасневших веках не исчезла,
Как вышла замуж. Гнусная поспешность —
Так броситься на одр кровосмешенья!
Нет и не может в этом быть добра.—
Но смолкни, сердце, скован мой язык!

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

Г о р а ц и о

Привет вам, принц!

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.—

Горацио? Или я сам не я.

Г о р а ц и о

Он самый, принц, и бедный ваш слуга.

Г а м л е т

Мой добрый друг, пусть то взаимно будет*.
Но почему же вы не в Виттенберге?
Марцелл?

М а р ц е л л

Мой добрый принц...

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.

(Бернардо.)

Добрый вечер.—

Так почему же вы не в Виттенберге?

Г о р а ц и о

По склонности к безделью, добрый принц.

Г а м л е т

Мне этого и враг ваш не сказал бы,
И слух мой не насилуйте и вы,
Чтоб он поверил вашему извету
На самого себя; вы не бездельник.
Но что у вас за дело в Эльсиноре?
Пока вы здесь, мы вас научим пить.

Г о р а ц и о

Я плыл на похороны короля.

Г а м л е т

Прошу тебя, без шуток, друг студент;
Скорей уже — на свадьбу королевы.

Г о р а ц и о

Да, принц, она последовала быстро.

Г а м л е т

Расчет, расчет, приятель! От поминок
Холодное пошло на брачный стол.
О, лучше бы мне встретился в раю
Мой злейший враг, чем этот день, Горацио!
Отец!.. Мне кажется, его я вижу.

Г о р а ц и о

Где, принц?

Г а м л е т

В очах моей души, Горацио.

Г о р а ц и о

Его я помню; истый был король.

Г а м л е т

Он человек был, человек во всем;
Ему подобных мне уже не встретить.

Г о р а ц и о

Мой принц, он мне явился нынче ночью.

Г а м л е т

Явился? Кто?

Г о р а ц и о

Король, отец ваш.

Г а м л е т

Мой отец, король?

Г о р а ц и о

На миг умерьте ваше изумленье
И слушайте, что я вам расскажу,
В свидетели взяв этих офицеров,
Об этом диве.

Г а м л е т

Ради бога, да!

Г о р а ц и о

Две ночи кряду эти офицеры,
Бернардо и Марцелл, неся дозор,
В безжизненной пустыне полуночи
Видали вот что. Некто, как отец ваш,
Вооруженный с ног до головы,
Является и величавым шагом
Проходит мимо. Трижды он прошел
Пред их замершим от испуга взором,
На расстоянии жезла; они же,
Почти что в стужень обратясь от страха,
Стоят, храня безмолвье. Это мне
Они поведали под страшной тайной.

На третью ночь я с ними был на страже;
И, как они сказали, в тот же час
И в том же виде, подтвердив все точно,
Явилась тень. Я помню короля:
Так схожи две руки.

Г а м л е т

Где ж это было?

М а р ц е л л

Принц, на площадке, где мы сторожим.

Г а м л е т

Вы с ним не говорили?

Г о р а ц и о

Говорил,

Но он не отвечал; хотя однажды
Он поднял голову, и мне казалось,
Как будто он хотел заговорить;
Но в этот самый миг запел петух;
При этом звуке он метнулся быстро
И стал невидим.

Г а м л е т

Это очень странно.

Г о р а ц и о

Как то, что я живу, принц, это правда,
И мы считали предписанием долга
Сказать вам это.

Г а м л е т

Да-да, конечно, только я смущен.
Сегодня кто на страже? Вы?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Да, принц

Г а м л е т

Вооружен, сказали вы?

Марцелл и Бернардо
Да, принц.

Гамлет
От головы до ног?

Марцелл и Бернардо
От пят до темя.

Гамлет
Так вы не видели его лица?

Горацио
Нет, как же, принц; он шел, подняв забрало

Гамлет
Что, он смотрел угрюмо?

Горацио
В лице была скорей печаль, чем гнев.

Гамлет
И бледен иль багров?

Горацио
Нет, очень бледен.

Гамлет
И смотрел на вас?

Горацио
Да, пристально.

Гамлет
Жаль, что я не был там.

Горацио
Он ужаснул бы вас.

Гамлет
Весьма возможно. И он долго пробыл?

Г о р а ц и о

Вы счесть могли бы до ста не спеша.

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Нет, дольше, дольше.

Г о р а ц и о

При мне не дольше.

Г а м л е т

Борода седая?

Г о р а ц и о

Такая, как я видел у живого,—
Чернь с серебром.

Г а м л е т

Сегодня буду с вами;

Быть может, вновь придет он.

Г о р а ц и о

Я ручаюсь.

Г а м л е т

И, если вновь он примет вид отца,
Я с ним заговорю, хоть ад разверзись,
Веля, чтоб я умолк. Прошу вас всех —
Как до сих пор об этом вы молчали,
Так вы и впредь храните это в тайне
И, что бы ни было сегодня ночью,
Всему давайте смысл, но не язык;
Я за любовь вам отплачу. Прощайте;
Так я приду в двенадцатом часу
К вам на площадку.

В с е

Принц, наш долг примите.

Г а м л е т

Приму любовь, а вы — мою. Прощайте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Дух Гамлета в оружьи! Дело плохо.
Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь!
Терпи, душа; изобличится зло,
Хотя б от глаз в подземный мрак ушло.
(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната в доме Полония.
Входят Лаэрт и Офелия.

Лаэрт

Мой скарб уже на корабле; простимся;
И если ветер выдастся попутный
И будет случай, то не спи, сестра,
И весть пришли.

Офелия

Ты сомневался в этом?

Лаэрт

А Гамлет и его расположение —
Так это лишь порыв, лишь прихоть крови,
Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты,
И только.

Офелия

Только и всего?

Лаэрт

Поверь мне.

Природа, зрея, умножает в нас
Не только мощь и статность: с ростом храма
Растет служенье духа и ума.
Сейчас тебя он, может быть, и любит;
Ни скверна, ни лукавства не пятнают
Его благих желаний; но страшись:
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;

Он сам себе не режет свой кусок,
Как прочие; от выбора его
Зависят жизнь и здравье всей державы,
И в нем он связан изволением тела,
Которому он голова. И если
Тебе он говорит слова любви,
То будь умна и верь им лишь настолько,
Насколько он в своем высоком сане
Их может оправдать; а это будет,
Как общий голос Дании решит.
И взвесь, как умалится честь твоя,
Коль ты поверишь песням обольщенья,
Иль потеряешь сердце, иль откроешь
Свой чистый клад беспутным настояньям.
Страшись, Офелия, страшись, сестра,
И хоронись в тылу своих желаний,
Вдали от стрел и пагубы страстей.
Любая девушка щедра не в меру,
Давая на себя взглянуть луне;
Для клеветы ничто и добродетель;
Червь часто точит первенцев весны,
Пока еще их не раскрылись почки,
И в утро юности, в росистой мгле,
Тлетворные опасны дуновенья.
Будь осторожна; робость — лучший друг;
Враг есть и там, где никого вокруг.

О ф е л и я

Я стражем сердца моего поставлю
Урок твой добрый. Только, милый брат,
Не будь как грешный пастырь, что другим
Указывает к небу путь тернистый,
А сам, беспечный и пустой гуляка,
Идет цветущею тропой утех,
Забыв свои советы.

Л а э р т

О, не бойся.
Но я замешкался; вот и отец.

Входит Полоний.

Вдвойне блажен благословенный дважды;
Мне улыбнулся случай вновь проститься.

П о л о н и й

Ты здесь еще? Стыдись, пора, пора!
У паруса сидит на шее ветер,
И ждут тебя. Ну, будь благословен!

(Кладя руку на голову Лаэрта.)

И в память запиши мои заветы:
Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль — от действий.
Будь прост с другими, но отнюдь не пошл.
Своих друзей, их выбор испытай,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством
С любым бесперым панибратом. В ссору
Вступать остерегайся; но, вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг.
Всем жалуй ухо, голос — лишь немногим;
Сбирай все мненья, но свое храни.
Шей платье по возможности дороже,
Но без затей — богато, но не броско:
По виду часто судят человека,
А у французов высшее сословье
Весьма изысканно и чинно в этом.
В долг не бери и займы не давай;
Легко и ссуду потерять и друга,
А займы тупят лезвее хозяйства.
Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим. Прощай;
Благословеньем это все скрепится.

Л а э р т

Почтительно прощаюсь, господин мой.

П о л о н и й

Иди, взывает время; слуги ждут.

Л а э р т

Прощай, Офелия, и не забудь
Мои слова.

О ф е л и я

Я их замкнула в сердце,
И ключ от них уносишь ты с собой.

Л а э р т

Прощайте.

(Уходит.)

П о л о н и й

О чем он говорил с тобой, Офелия?

О ф е л и я

О принце Гамлете, коль вам угодно.

П о л о н и й

Что ж, это кстати;
Мне сообщали, будто очень часто
Он стал с тобой делить досуг и ты
Ему весьма свободно даришь доступ;
Коль это так,— а так мне говорили,
Желая остеречь,— то я скажу,
Что о себе ты судишь неразумней,
Чем дочь мою обязывает честь.
Что это там у вас? Скажи мне правду.

О ф е л и я

Он мне принес немало уверений
В своих сердечных чувствах.

П о л о н и й

В сердечных чувствах! Вот слова девицы,
Неискушенной в столь опасном деле.
И что ж, ты этим увереньям веришь?

О ф е л и я

Не знаю, что и думать, господин мой.

П о л о н и й

А думать ты должна, что ты дитя,
Раз уверенья приняла за деньги.

Уверь себя, что ты дороже стоишь;
Не то — совсем заездил это слово! —
Боюсь увериться, что я дурак.

О ф е л и я

Он о своей любви твердил всегда
С отменным вежеством.

П о л о н и й

Ты это вежеством зовешь; ну-ну!

О ф е л и я

И речь свою скрепил он, господин мой,
Едва ль не всеми клятвами небес.

П о л о н и й

Силки для куликов! Я знаю сам,
Когда пылает кровь, как щедр бывает
Язык на клятвы; эти вспышки, дочь,
Которые сияют, но не греют
И тухнут при своем возникновенье,
Не принимай за пламя. Впредь скупее
Будь на девичье общество свое;
Цени свою беседу подороже,
Чем встреча по приказу. Что до принца,
То верь тому, что молод он и может
Гулять на привязи длиннее той,
Которая дана тебе; но клятвам
Его не верь, затем что это сводни
Другого цвета, чем на них наряд,
Ходатаи греховных домогательств,
Звучащие как чистые обеты,
Чтоб лучше обмануть. Раз навсегда:
Я не желаю, чтобы ты отныне
Губила свой досуг на разговоры
И речи с принцем Гамлетом. Смотри,
Я это приказал. Теперь ступай.

О ф е л и я

Я буду вам послушна, господин мой.

Уходят.

СЦЕНА 4

Площадка.

Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Гамлет

Как воздух щиплет: большой мороз.

Горацио

Жестокий и кусающийся воздух.

Гамлет

Который час?

Горацио

Должно быть, скоро полночь.

Марцелл

Уже пробило.

Горацио

Да? Я не слышал; значит, близко время,
Когда виденье примется бродить.

Трубные звуки и пушечный выстрел за сценой.

Что это значит, принц?

Гамлет

Король сегодня тешится и кутит,
За здоровье пьет и кружит в бурном плясе;
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге.

Горацио

Такой обычай?

Гамлет

Да, есть такой;
По мне, однако,— хоть я здесь родился
И свyksя с нравами,— обычай этот
Похвальнее нарушить, чем блюсти.

Тупой разгул на запад и восток
Позорит нас среди других народов;
Нас называют пьяницами, клички
Дают нам свинские; да ведь и вправду —
Он наши высочайшие дела
Лишает самой сердцевины славы.
Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный —
В чем нет вины, затем что естество
Своих истоков избирать не может, —
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка слишком быть усердным
В старанье нравиться, то в этих людях,
Отмеченных хотя б одним изъяном,
Пятном природы иль клеймом судьбы,
Все их достоинства — пусть нет им счета
И пусть они, как совершенство, чисты, —
По мнению прочих, этим недостатком
Уже погублены: крупица зла
Все доброе проникнет подозреньем
И обесславит.

Входит П р и з р а к.

Г о р а ц и о

Принц, смотрите: вот он!

Г а м л е т

Да охранят нас ангелы господни! —
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!
Не дай сгореть в неведение, скажи,
Зачем твои схороненные кости
Раздрали саван свой; зачем гробница,
В которой был ты мирно упокоен,
Разъяв свой тяжкий мраморный оскал,
Тебя извергла вновь? Что это значит,

Что ты, бездушный труп, во всем железе
Вступаешь вновь в мерцание луны,
Ночь исказив, и нам, шутам природы,
Так жутко потрясаешь естество
Мечтой, для наших душ недостижимой?
Скажи: зачем? К чему? И что нам делать?

Призрак манит Гамлета.

Г о р а ц и о

Он манит вас последовать за ним,
Как если бы хотел сказать вам что-то
Наедине.

М а р ц е л л

Смотрите, как учтиво
Он вас зовет поодаль отойти;
Но вы с ним не идите.

Г о р а ц и о

Ни за что!

Г а м л е т

Не отвечает; ну, так я иду.

Г о р а ц и о

Не надо, принц.

Г а м л е т

Зачем? Чего бояться?

Мне жизнь моя дешевле, чем булавка;
А что он сделает моей душе,
Когда она бессмертна, как и он?
Меня он снова манит; я иду.

Г о р а ц и о

Что, если вас он завлечет к волне
Иль на вершину грозного утеса,
Нависшего над морем, чтобы там
Принять какой-нибудь ужасный облик,
Который в вас низложит власть рассудка
И ввергнет вас в безумие? Останьтесь;
Там поневоле сами возникают

Отчаянные помыслы в мозгу
У тех, кто с этой кручи смотрит в море
И слышит, как оно ревет внизу.

Г а м л е т

Он манит вновь.— Иди, я за тобой!

М а р ц е л л

Нет, принц, вы не пойдете!

Г а м л е т

Руки прочь!

Г о р а ц и о

Нельзя, одумайтесь.

Г а м л е т

Мой рок взывает,
И это тело в каждой малой жилке
Полно отваги, как Немейский лев.

Призрак манит.

Он все зовет? — Пустите! Я клянусь,
Сам станет тенью, кто меня удержит;
Прочь, говорю! — Иди. Я за тобой.

Гамлет и Призрак уходят.

Г о р а ц и о

Он одержим своим воображеньем.

М а р ц е л л

Идем за ним; нельзя оставить так.

Г о р а ц и о

Идем.— Чем может кончиться все это?

М а р ц е л л

Подгнило что-то в Датском государстве.

Г о р а ц и о

Всею правит небо.

Марцелл

Все ж таки идем.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть площадки.
Входят Призрак и Гамлет.

Гамлет

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

Призрак

Так слушай.

Гамлет

Я готов.

Призрак

Уж близок час мой,
Когда в мучительный и серный пламень
Вернуться должен я.

Гамлет

О бедный призрак!

Призрак

Нет, не жалея меня, но всей душой
Внимай мне.

Гамлет

Говори; я буду слушать.

Призрак

И должен отомстить, когда услышишь.

Гамлет

Что?

Призрак

Я дух, я твой отец,
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла. Когда б не тайна
Моей темницы, я бы мог поведать
Такую повесть, что малейший звук
Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей,
Глаза, как звезды, вырвал из орбит,
Разъял твои заплетшиеся кудри
И каждый волос водрузил стоймя,
Как иглы на взъяренном дикобразе;
Но вечное должно быть недоступно
Плотским ушам. О, слушай, слушай, слушай!
Коль ты отца когда-нибудь любил...

Гамлет

О боже!

Призрак

Отомсти за гнусное его убийство.

Гамлет

Убийство?

Призрак

Убийство гнусно по себе, но это
Гнуснее всех и всех бесчеловечней.

Гамлет

Скажи скорей, чтоб я на крыльях, быстрых,
Как помысел, как страстные мечтанья,
Помчался к мести.

Призрак

Вижу, ты готов;
Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод,
Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Гамлет:
Идет молва, что я, уснув в саду,

Ужален был змеей; так ухо Дании
Поддельной басней о моей кончине
Обмануто; но знай, мой сын достойный:
Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец.

Г а м л е т

О вещая моя душа! Мой дядя?

П р и з р а к

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель
Волшбой ума, коварства черным даром —
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! — склонил к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену;
О Гамлет, это ль не было паденьем!
Меня, чья благородная любовь
Шла неизменно об руку с обетом,
Мной данным при венчанье, променять
На жалкое творенье, чьи дары
Убоги пред моими!
Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.
Но тише! Я почуял воздух утра;
Дай кратким быть. Когда я спал в саду,
Как то обычно делал пополудни,
Мой мирный час твой дядя подстерег
С проклятым соком белены в сосуде
И тихо мне в преддверия ушей
Влил прокажающий настой, чье свойство
Так глубоко враждебно нашей крови,
Что, быстрый, словно ртуть, он проникает
В природные врата и ходы тела
И свертывает круто и внезапно,
Как если кислым капнуть в молоко,
Живую кровь; так было и с моею;
И мерзостные струпья облепили,
Как Лазарю*, мгновенною коростой
Все тело мне.

Так я во сне от братственной руки
Утратил жизнь, венец и королеву;
Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, не причащен и не помазан;
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
О ужас! Ужас! О великий ужас!
Не потерпи, коль есть в тебе природа:
Не дай постели датских королей
Стать ложем блуда и кровосмешенья.
Но, как бы это дело ни повел ты,
Не запятнай себя, не умышляй
На мать свою; с нее довольно неба
И терний, что в груди у ней живут,
Язвя и жаля. Но теперь прощай!
Уже светляк предвозвещает утро
И гасит свой ненужный огонек;
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

Г а м л е т

О рать небес! Земля! И что еще
Прибавить? Ад? — Тьфу, нет! — Стой, сердце, стой.
И не дряхлейте, мышцы, но меня
Несите твердо. — Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока гнездится память
В несчастном этом шаре. О тебе?
Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Что неизменнее; да, клянуся небом!
О пагубная женщина! — Подлец.
Улыбчивый подлец, подлец проклятый! —
Мои таблички, — надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой
Быть подлецом; по крайней мере — в Дании.

(Пишет.)

Так, дядя, вот, вы здесь.— Мой клич отныне:
«Прощай, прощай! И помни обо мне».
Я клятву дал.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

(за сценой)

Принц, принц!

Входят Г о р а ц и о и М а р ц е л л.

М а р ц е л л
Принц Гамлет!

Г о р а ц и о

Да хранит вас небо!

Г а м л е т

Да будет так!

М а р ц е л л
Илло, хо-хо*, мой принц!

Г а м л е т

Илло, хо-хо! Сюда, сюда, мой сокол!

М а р ц е л л

Ну что, мой принц?

Г о р а ц и о

Что нового, мой принц?

Г а м л е т

О, чудеса!

Г о р а ц и о
Скажите, принц.

Г а м л е т

Нет; вы проговоритесь.

Г о р а ц и о

Не я, мой принц, клянусь вам!

М а р ц е л л

И не я.

Г а м л е т

Как вам покажется? Кто мог бы думать?
Но это будет тайной?

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Да, клянемся.

Г а м л е т

Нет в Датском королевстве подлеца,
Который не был бы отпетым плутом.

Г о р а ц и о

Не стоит призраку вставать из гроба,
Чтоб это нам поведать.

Г а м л е т

Да, вы правы;

Поэтому без дальних слов давайте
Пожмем друг другу руки и пойдем;
Вы по своим делам или желаньям —
Ведь есть у всех желанья и дела
Те иль другие, я же в бедной доле,
Вот видите ль, пойду молиться.

Г о р а ц и о

Принц,

То дикие, бессвязные слова.

Г а м л е т

Сердечно жаль, что вам они обидны;
Да, жаль сердечно.

Г о р а ц и о

Здесь обиды нет.

Г а м л е т

Обида есть, клянусь святым Патрикием,

И тяжкая. А что до привиденья,
То это честный дух, скажу вам прямо;
Но узнавать, что между нами было,
Вы не пытайтесь. А теперь, друзья —
Раз вы друзья, студенты и солдаты,—
Исполните мне просьбу.

Г о р а ц и о

Какую, принц? Мы рады.

Г а м л е т

Вовек не разглашать того, что было.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Принц, мы не станем.

Г а м л е т

Поклянитесь.

Г о р а ц и о

Ей-же,

Не стану, принц.

М а р ц е л л

И я не стану, ей-же.

Г а м л е т

Нет, на моем мече.

М а р ц е л л

Ведь мы клялись.

Г а м л е т

Как должно, на моем мече, как должно.

П р и з р а к

(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

А! Это ты сказал? Ты здесь, приятель? —
Вот, слышите его из подземелья?
Клянитесь же.

Г о р а ц и о

Скажите клятву, принц.

Г а м л е т

Молчать о том, что видели вы здесь,
Моим мечом клянитесь.

П р и з р а к

(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

Nis et ubique?¹ Переменим место.
Здесь станем, господа,
И вновь на меч мой возложите руки.
Что будете о слышанном молчать,
Моим мечом клянитесь!

П р и з р а к

(из-под земли)

Клянитесь!

Г а м л е т

Так, старый крот! Как ты проворно роешь!
Отличный землекоп! Что ж, отойдем.

Г о р а ц и о

О день и ночь! Все это крайне странно!

Г а м л е т

Как странника и встретите это с миром.
И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.
Но отойдем.
Клянитесь снова — бог вам да поможет, —
Как странно бы себя я ни повел,
Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда, —
Что вы не станете, со мною встретясь,
Ни скрещивать так руки, ни кивать,

¹ Здесь и всюду? (лат.)

Ни говорить двусмысленные речи,
Как: «Мы-то знаем», иль: «Когда б могли бы»,
Иль: «Если б мы хотели рассказать»,
Иль что-нибудь такое, намекая,
Что вам известно что-то; так не делать —
И в этом бог вам помощи в нужде —
Клянитесь.

Призрак
(из-под земли)

Клянитесь!

Гамлет
Мир, мир, смятенный дух!

Они клянутся.

Так, господа,
Я вам себя с любовью поручаю;
И все, чем только может бедный Гамлет
Вам выразить свою любовь и дружбу,
Даст бог, исполнится. Идемте вместе;
И пальцы на губах, я вас прошу.
Век расшатался — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его! —
Ну что ж, идемте вместе.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА I

Комната в доме Полония.
Входят Полоний и Рейнальдо.

Полоний
Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

Рейнальдо
Да, господин мой.

Полоний
Ты поступишь мудро,

Рейнальдо, ежели до встречи с ним
Поразузнаешь, как себя ведет он.)

Рейнальдо

Я так и думал сделать, господин мой.

Полоний

Хвалю, хвалю. Так вот, сперва узнай,
Какие там есть датчане в Париже,
И как, и кто; на что живут и где;
С кем водятся, что тратят; обнаружив
При помощи таких обиняков,
Что сын мой им известен, вникни ближе,
Но так, чтоб это не было расспросом;
Прикинься, будто с ним знаком немного,
Скажи: «Я знал его отца, друзей,
Отчасти и его». Следишь, Рейнальдо?

Рейнальдо

Да, как же, господин мой.

Полоний

«Отчасти и его; а впрочем, мало;
Но слыхивал, что он большой буйан»,
И то и се; тут на него взведи
Все, что угодно; впрочем, не настолько,
Чтоб обесчестить; это — берегись;
Нет, так, блажные, буйные проказы,
С которыми, мол, юность и свобода
Неразлучимы.

Рейнальдо

Например, игра.

Полоний

Да, или пьянство, ругань, поединки,
Распутство; можешь и на то пойти.

Рейнальдо

Но это обесчестит, господин мой.

Полоний

Да нет же; ты и сам смягчишь все это

Ты про него не должен говорить,
Что он живет в безудержном разврате;
Совсем не то; представь его грехи
Так, чтоб они казались вольнолюбством,
Порывами горячего ума,
Дикарствами неукрошенной крови,
Чему подвластны все.

Рейнальдо

Но, господин мой...

Полоний

Зачем так действовать?

Рейнальдо

Да, господин мой,

Хотел бы знать.

Полоний

А умысел мой вот в чем —

И думаю, что это способ верный:
Когда его ты очернишь слегка,
Так, словно вещь затаскана немного,
Изволишь видеть,
Твой собеседник, если замечал,
Что юноша, которого ты назвал,
Повинен в вышесказанных проступках,
Наверное, тебе ответит так:
«Милейший», или «друг мой», или «сударь»,
Смотря как принято у них в стране
И кто он сам.

Рейнальдо

Так точно, господин мой.

Полоний

И тотчас будет он... он будет...

Что это я хотел сказать? Ей-богу, ведь я что-то хотел
сказать: на чем я остановился?

Рейнальдо

На «ответит так», на «друг мой» и «сударь».

П о л о н и й

Вот-вот; «ответит так»; да, он ответит
Так: «С этим господином я знаком;
Видал его вчера, или напередни,
Или тогда-то с тем-то или с тем-то,
И он как раз играл, или подвыпил,
Повздорил за лаптой»; а то и так:
«Я видел, он входил в веселый дом»,
Сиречь в притон, иль что-нибудь такое.
И видишь сам:
Приманка лжи поймала карпа правды;
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход;
И ты, руководясь моим советом,
Мне испытаешь сына. Понял? Нет?

Р е й н а л ь д о

Да, господин мой.

П о л о н и й

С богом. Будь здоров.

Р е й н а л ь д о

Мой добрый господин!

П о л о н и й

Его привычки сам понаблюдай.

Р е й н а л ь д о

Так, господин мой.

П о л о н и й

И пусть дудит вовсю.

Р е й н а л ь д о

Да, господин мой.

П о л о н и й

Счастливый путь!

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Офелия! В чем дело?

О ф е л и я

О господин мой, как я испугалась!

П о л о н и й

Чего, помилуй бог?

О ф е л и я

Когда я шила, сидя у себя,
Принц Гамлет — в незастегнутом камзоле,
Без шляпы, в неподвязанных чулках,
Испачканных, спадающих до пяток,
Стуча коленями, бледней сорочки
И с видом до того плачевным, словно
Он был из ада выпущен на волю
Вещать об ужасах, — вошел ко мне!

П о л о н и й

Безумен от любви к тебе?

О ф е л и я

Не знаю,

Но я боюсь, что так.

П о л о н и й

И что сказал он?

О ф е л и я

Он взял меня за кисть и крепко сжал;
Потом, отпрянув на длину руки,
Другую руку так подняв к бровям,
Стал пристально смотреть в лицо мне, словно
Его рисуя. Долго так стоял он;
И наконец, слегка тряхнув мне руку
И трижды головой кивнув вот так,
Он издал вздох столь скорбный и глубокий,
Как если бы вся грудь его разбилась
И гасла жизнь; он отпустил меня;
И, глядя на меня через плечо,
Казалось, путь свой находил без глаз,
Затем что вышел в дверь без их подмоги,
Стремя их свет все время на меня.

П о л о н и й

Идем со мной; отыщем короля.
Здесь точно исступление любви,
Которая себя ж убийством губит
И клонит волю к пагубным поступкам,
Как и любая страсть под небесами,
Бушующая в естестве. Мне жаль.
Что, ты была с ним эти дни сурова?

О ф е л и я

Нет, господин мой, но, как вы велели,
Я отклоняла и записки принца
И посещения.

П о л о н и й

Он и помешался.

Жаль, что за ним я не следил усердней.
Я думал, он играет, он тебя
Замыслил погубить; все недоверье!
Ей-богу, наши годы так же склонны
Чресчур далеко заходить в расчетах,
Как молодости свойственно грешить
Поспешностью. Идем же к королю;
Он должен знать; опасней и вредней
Укрыть любовь, чем объявить о ней.
Идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Трубы. Входят король, королева, Розенкранц
Гильденстерн и слуги.

К о р о л ь

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Не только тем, что вас мы рады видеть,
Но и нуждою в вас был причинен
Столь спешный вызов. Вам уже известно
Преображенье Гамлета: в нем точно

И внутренний и внешний человек
Не сходен с прежним. Что еще, могло бы,
Коли не смерть отца, его отторгнуть
От разуменья самого себя,
Не ведаю. Я вас прошу обоих,
Затем что с юных лет вы с ним росли
И близки с ним по юности и нраву,
Остаться при дворе у нас в гостях
На некоторый срок; своим общеньем
Вовлечь его в забавы и разведать,
Насколько вам позволит случай, нет ли
Чего сокрытого, чем он подавлен
И что, узнав, мы властны исцелить.

К о р о л е в а

Он часто вспоминал вас, господа,
И, верно, нет на свете двух людей,
Ему любезней. Если вы готовы
Быть столь добры и благосклонны к нам,
Чтоб поступиться временем своим,
Придя на помощь нашим упованьям,
Услуга ваша будет не забыта
Монаршею признательностью

Р о з е н к р а н ц

Ваши

Величества своей державной властью
Могли б облечь не в просьбу вашу волю,
А в приказанье.

Г и л ь д е н с т е р н

Повинуясь оба,

Мы здесь готовы в самой полной мере
Сложить наш вольный долг у ваших ног
И ждать распоряжений.

К о р о л ь

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

К о р о л е в а

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц!
Пойдите же скорее к моему

Не в меру изменившемуся сыну.—
Пусть к принцу проведут его гостей!

Гильденстерн

Да обратит всевышний нашу близость
Ему в добро и помощь!

Королева

Так, аминь!

Розенкранц, Гильденстерн и несколько слуг
уходят. Входит Полоний.

Полоний

Мой государь, посольство из Норвегии
Вернулось счастливо.

Король

Ты был всегда отцом благих известий.

Полоний

Да, государь мой? Смею вас уверить,
Свой долг и душу я блюду пред богом
И пред моим высоким королем;
И вот мне кажется — иль это мозг мой
Утратил свой когда-то верный нюх
В делах правленья,— будто я нашел
Источник умоисступленья принца.

Король

О, так скажи: я жажду это слышать.

Полоний

Сперва послов примите; мой рассказ
Останется как плод к концу трапезы.

Король

Сам окажи им почесть и введи их.

Полоний уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел
Причину всех несчастий с вашим сыном.

Королева

Мне кажется, основа здесь все та же —
Смерть короля и наш поспешный брак.

Король

Мы это выясним.

Полоний возвращается с Вольтимандом и Корнелием.

Привет, друзья!

Что ж, Вольтиманд, нам шлет наш брат Норвежец?

Вольтиманд

Ответные привет и пожеланья.
Он с первых слов послал пресечь наборы
Племянника, которые считал
Приготовлениями против Польши,
Но убедился, что они грозят
Впрямь вашему величеству; печалась,
Что хворь его, и возраст, и бессилье
Обойдены так лживо, он послал
За Фортинбрасом; тот повиновался,
Упрек Норвежца выслушал и тут же
Дал дяде клятву никогда на ваше
Величество не подымать оружия.
На радостях старик ему назначил
Три тысячи червонцев ежегодно
И разрешил употребить солдат,
Уже им снаряженных, против Польши,
С ходатайством, изображенным здесь,

(подает бумагу)

Чтоб вы дозволили для этой цели
Проход чрез ваши земли на условиях
Охраны безопасности и права,
Как здесь изложено.

Король

Мы очень рады
И в более досужий час прочтем,
Ответим и обсудим это дело.

Пока спасибо за успешный труд;
Передохните; ночью попируем;
Добро пожаловать!

Вольтиманд и Корнелий уходят

П о л о н и й

Исход удачный.—

Светлейшие монархи, излагать,
В чем состоит величество, в чем — долг,
Зачем день—день, ночь—ночь и время—время,
То было б расточать ночь, день и время.
И, так как краткость есть душа ума,
А многословье — бранные прикрасы,
Я буду краток. Принц, ваш сын, безумен;
Безумен, ибо в чем и есть безумье,
Как именно не в том, чтоб быть безумным?
Но это пусть.

К о р о л е в а

Поменьше бы искусства.

П о л о н и й

О, тут искусства нет. Что он безумен,
То правда; правда то, что это жаль,
И жаль, что это правда; вышло глупо;
Но все равно, я буду безыскусен.
Итак, ваш сын безумен; нам осталось
Найти причину этого эффекта,
Или, верней, дефекта, потому что
Дефектный сей эффект небеспричинен.
Вот что осталось, и таков остаток.
Извольте видеть. У меня есть дочь —
Есть, потому что эта дочь моя,—
Которая, послушливая долгу,
Дала мне вот что: взвесьте и судите.

(Читает.)

«Небесной, идолу моей души, преукрашенной Офелии...». —
Это плохое выражение, пошлое выражение; «преукрашен-
ной» — пошлое выражение; но вы послушайте. Вот.
(Читает.) «На ее прелестную грудь эти...» И так далее.

К о р о л е в а
Ей это пишет Гамлет?

П о л о н и й
Сударыня, сейчас; я все скажу.

(Читает.)

«Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не даются мне эти размеры. Я не умею высчитывать мои вздохи; но что я люблю тебя вполне, о вполне чудесная, этому верь. Прощай. Твой навсегда, дражайшая дева, пока этот механизм ему принадлежит. Гамлет».

Дочь, повинуйсь, это мне вручила;
И все его искательства притом,
Когда, и где, и как оно случилось,
Пересказала мне.

К о р о л ь
А как она
Их приняла?

П о л о н и й
По-вашему, я кто?

К о р о л ь
Прямой и благородный человек.

П о л о н и й
Рад доказать. Но что бы вы сказали,
Когда б я видел эту страсть в полете,—
А я, признаться, понял все и раньше,
Чем дочь мне сообщила,— что бы ваши
Величества сказали, если б я
Изображал пюпитр или таблички,
Иль сердцу молчаливо подмигнул,
Иль праздно эту созерцал любовь?

Что б вы сказали? Нет, я взялся круто
И так моей девице заявил.
«Принц Гамлет — принц, он вне твоей звезды*;
Пусть этого не будет»; и велел ей
Замкнуться от дальнейших посещений,
Не принимать послов, не брать подарков.
Дочь собрала плоды моих советов;
А он, отвергнутый, — сказать короче —
Впал в скорбь и грусть, потом в недоеданье,
Потом в бессонницу, потом в бессилье,
Потом в рассеянность и шаг за шагом —
В безумие, в котором ныне бредит,
Всех нас печалая.

К о р о л ь

По-вашему, он прав?

К о р о л е в а

Весьма возможно.

П о л о н и й

Бывало ли когда-нибудь, скажите,
Чтоб я удостоверил: «Это так!» —
А оказалось иначе?

К о р о л ь

Не помню.

П о л о н и й

(указывая на свою голову и плечо)

Снимите это с этого, коль я
Неправ. Будь только случай, я найду,
Где скрыта истина, хотя б она
Таилась в центре.

К о р о л ь

Как нам доискаться?

П о л о н и й

Вы знаете, он иногда часами
Гуляет здесь по галерее.

Королева

Да.

Полоний

В такой вот час к нему я вышлю дочь;
Мы с вами станем за ковром; посмотрим
Их встречу; если он ее не любит
И не от этого сошел с ума,
То место мне не при делах правленья,
А у телег, на мызе.

Король

Пусть так будет.

Королева

Вот он идет печально с книгой, бедный.

Полоний

Я вас прошу, вы оба удалитесь;
Я подойду к нему.

Король, королева и слуги уходят.
Входит Гамлет, читая.

Прошу прощенья;
Как поживает добрый принц мой Гамлет?

Гамлет

Хорошо, спаси вас бог.

Полоний

Вы узнаете меня, принц?

Гамлет

Конечно; вы — торговец рыбой.

Полоний

Нет, принц.

Гамлет

Тогда мне хотелось бы, чтобы вы были таким же честным человеком.

П о л о н и й

Честным принц?

Г а м л е т

Да, сударь; быть честным при том, каков этот мир,— это значит быть человеком, выуженным из десятка тысяч.

П о л о н и й

Это совершенно верно, принц.

Г а м л е т

Ибо если солнце плодит червей в дохлом псе,— божество, лобзающее падаль... Есть у вас дочь?

П о л о н и й

Есть, принц.

Г а м л е т

Не давайте ей гулять на солнце; всякий плод — благословение; но не такой, какой может быть у вашей дочери. Друг, берегитесь.

П о л о н и й

(в сторону)

Что вы об этом скажете? Все время наигрывает на моей дочери; вначале он меня не узнал; сказал, что я торговец рыбой; он далеко зашел; и действительно, в молодости я много терпел крайностей от любви; почти что вот так же. Заговорю с ним опять.— Что вы читаете, принц?

Г а м л е т

Слова, слова, слова.

П о л о н и й

И что говорится, принц?

Г а м л е т

Про кого?

П о л о н и й

Я хочу сказать: что говорится в том, что вы читаете?

Г а м л е т

Клевета, сударь мой; потому что этот сатирический плут говорит здесь, что у старых людей седые бороды, что лица их сморщенные, глаза источают густую камедь и сливовую смолу и что у них полнейшее отсутствие ума и крайне слабые поджилки; всему этому, сударь мой, я хоть и верю весьма могуче и властно, однако же считаю непристойностью взять это и написать; потому что и сами вы, сударь мой, были бы так же стары, как я, если бы могли, подобно раку, идти задом наперед.

П о л о н и й

(в сторону)

Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность.— Не хотите ли уйти из этого воздуха, принц?*

Г а м л е т

В могилу?

П о л о н и й

Действительно, это значило бы уйти из этого воздуха. (В сторону.) Как содержательны иной раз его ответы! Удача, нередко выпадающая на долю безумия и которою разум и здравие не могли бы разрешиться так счастливо. Я его покину и тотчас же постараюсь устроить ему встречу с моей дочерью.— Высокочитимый принц, я вас смиреннейше покину.

Г а м л е т

Нет ничего, сударь мой, с чем бы я охотнее расстался; разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью.

П о л о н и й

Желаю здравствовать, принц.

Г а м л е т

Эти несносные старые дураки!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Полоний

Вам надо принца Гамлета? Он здесь.

Розенкранц

(Полонию)

Благослови вас бог.

Полоний уходит.

Гильденстерн

Мой досточтимый принц!

Розенкранц

Мой драгоценный принц!

Гамлет

Милейшие друзья мои! Как поживаешь, Гильденстерн? — А, Розенкранц? Ребята, как вы живете оба?

Розенкранц

Как безразличные сыны земли.

Гильденстерн

Уж тем блаженно, что не сверхблаженно;
На колпачке Фортуны мы не шишка.

Гамлет

Но и не подошвы ее башмаков?

Розенкранц

Ни то, ни другое, принц.

Гамлет

Так вы живете около ее пояса или в средоточии ее милостей?

Гильденстерн

Право же, мы занимаем у нее скромное место.

Гамлет

В укромных частях Фортуны? О, конечно; это особа непотребная. Какие новости?

Розенкранц

Да никаких, принц, кроме разве того, что мир стал честен.

Гамлет

Так, значит, близок судный день; но только ваша новость неверна. Позвольте вас расспросить обстоятельнее: чем это, дорогие мои друзья, вы провинились перед Фортуной, что она шлет вас сюда, в тюрьму?

Гильденстерн

В тюрьму, принц?

Гамлет

Дания — тюрьма.

Розенкранц

Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет

И превосходная: со множеством затворов, темниц и подземелий, причем Дания — одна из худших.

Розенкранц

Мы этого не думаем, принц.

Гамлет

Ну, так для вас это не так; ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым, для меня она — тюрьма.

Розенкранц

Ну, так это ваше честолюбие делает ее тюрьмою: она слишком тесна для вашего духа.

Гамлет

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Гильденстерн

А эти сны и суть честолюбия; ибо самая сущность честолюбца всего лишь тень сна.

Г а м л е т

И самый сон всего лишь тень.

Р о з е н к р а н ц

Верно; и я считаю честолюбие по-своему таким воздушным и легким, что оно не более, нежели тень тени.

Г а м л е т

Тогда наши нищие суть тела, а наши монархи и напыщенные герои суть тени нищих. Не пойти ли нам ко двору? Потому что, честное слово, я не в силах рассуждать.

Р о з е н к р а н ц и Г и л ь д е н с т е р н

Мы в вашем распоряжении.

Г а м л е т

Не надо этого. Я не хочу приравнивать вас к остальным моим слугам; потому что — сказать вам, как честный человек, — служат мне отвратительно. Но, если идти стезею дружбы, что вы делаете в Эльсиноре?

Р о з е н к р а н ц

Мы хотели навестить вас, принц, ничего другого.

Г а м л е т

Такой нищий, как я, беден даже благодарностью; но я вас благодарю; хотя, по правде, дорогие друзья, моя благодарность не стоит и полгроша. За вами не посылали? Это ваше собственное желание? Это добровольное посещение? Ну, будьте же со мною честны; да ну же, говорите.

Г и л ь д е н с т е р н

Что мы должны сказать, принц?

Г а м л е т

Да что угодно, но только об этом. За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша совесть недостаточно искусна, чтобы это скрасить. Я знаю, добрые король и королева за вами посылали.

Р о з е н к р а н ц

С какой целью, принц?

Г а м л е т

Это уж вы должны мне объяснить. Но только я вас заклиную — во имя прав нашего товарищества, во имя согласия нашей юности, во имя долга нашей нерушимой любви, во имя всего еще более дорогого, к чему лучший оратор мог бы воззвать пред вами, будьте со мной откровенны и прямы: посылали за вами или нет?

Р о з е н к р а н ц
(тихо, Гильденстерну)

Что ты скажешь?

Г а м л е т
(в сторону)

Так, теперь я вижу.— Если вы меня любите, не таитесь.

Г и л ь д е н с т е р н

Принц, за нами посылали.

Г а м л е т

Я вам скажу, для чего, таким образом моя предупредительность устранил ваше признание и ваша тайна перед королем и королевой не обронит ни единого перышка. Последнее время — а почему, я и сам не знаю — я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия; и действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем,— все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса Вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинт-эссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна, хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Р о з е н к р а н ц

Принц, такого предмета не было в моих мыслях.

Г а м л е т

Так почему же вы смеялись, когда я сказал, что «из людей меня не радует ни один»?

Р о з е н к р а н ц

Оттого, что я подумал, принц, что если люди вас не радуют, то какой постный прием найдут у вас актеры; мы настигли их в пути, и они едут сюда предложить вам свои услуги.

Г а м л е т

Тот, что играет короля, будет желанным гостем; его величеству я воздам должное; отважный рыцарь пусть орудует шпагой и щитом; любовник пусть не вздыхает даром; чудака пусть мирно кончает свою роль; шут пусть смешит тех, у кого щекотливые легкие; героиня пусть свободно высказывает свою душу, а белый стих при этом пусть хромает. Что это за актеры?

Р о з е н к р а н ц

Те самые, которые вам так нравились,— столичные трагики.

Г а м л е т

Как это случилось, что они странствуют? Оседлость была для них лучше и в смысле славы и в смысле доходов.

Р о з е н к р а н ц

Мне кажется, что их затруднения происходят от последних новшеств.

Г а м л е т

Таким же ли они пользуются почетом, как в те времена, когда я был в городе? Так же ли их посещают?

Р о з е н к р а н ц

Нет, по правде, этого уже не бывает.

Г а м л е т

Почему же? Или они начали ржаветь?

Розенкранц

Нет, их усердие идет обычным шагом; но там имеется выводок детей*, маленьких соколят, которые кричат громче, чем требуется, за что им и хлопают преждеостоко; сейчас они в моде и так чествуют простой театр — как они его зовут, — что многие шпагоносцы побаиваются гусиных перьев и едва осмеливаются ходить туда.

Гамлет

Как, это дети? Кто их содержит? Что им платят? Или они будут заниматься своим ремеслом только до тех пор, пока могут петь? Не скажут ли они впоследствии, если вырастут в простых актеров, — а это весьма возможно, если у них не найдется ничего лучшего, — что их писатели им повредили, заставляя их глумиться над собственным наследием?

Розенкранц

Признаться, немало было шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом подстрекать их к препирательствам; одно время за пьесу ничего не давали, если в этой расправе сочинитель и актер не доходили до кулаков.

Гамлет

Не может быть!

Гильденстерн

О, много было раскидано мозгов.

Гамлет

И власть забрали дети?

Розенкранц

Да, принц, забрали; Геркулеса вместе с его ношей*.

Гамлет

Это не так уж странно; вот мой дядя — король Датский, и те, кто строил ему рожи, пока жив был мой отец, платят по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его портрет в миниатюре. Черт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла доискаться.

Трубы.

Гильденстерн

Вот и актеры.

Гамлет

Господа, я рад вам в Эльсиноре. Ваши руки. Спутниками радушия служат вежество и обходительность; позвольте мне приветствовать вас этим способом, а не то мое обращение с актерами, которое, как я вам говорю, должно быть наружно прекрасным, покажется более гостеприимным, чем по отношению к вам. Я рад вам; но мой дядя-отец и моя теткамать ошибаются.

Гильденстерн

В чем, дорогой мой принц?

Гамлет

Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

Входит Полоний.

Полоний

Всяких вам благ, господа!

Гамлет

Послушайте, Гильденстерн,— и вы также,— на каждое ухо по слушателю: этот большой младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц

Быть может, он вторично в них попал: ведь говорят, старый человек — вдвойне ребенок.

Гамлет

Я вам пророчу, что он явился сообщить мне об актерам, вот увидите.— Вы правы, сударь; в понедельник утром; так это и было, совершенно верно.

Полоний

Государь мой, у меня для вас новости.

Г а м л е т

Государь мой, у меня для вас новости. Когда Росций* был актером в Риме...

П о л о н и й

Принц, актеры приехали сюда.

Г а м л е т

Кш, кш!

П о л о н и й

По чести моей...

Г а м л е т

«И каждый ехал на осле...»

П о л о н и й

Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных для неопределенных сцен и неограниченных поэм; у них и Сенека* не слишком тяжел, и Плавт* не слишком легок. Для писанных ролей и для свободных — это единственные люди.

Г а м л е т

О Иеффай, судия израильский*, какое у тебя было сокровище!

П о л о н и й

Какое у него было сокровище, принц?

Г а м л е т

Как же:

«Одна-единственная дочь,
Что он любил нежней всего».

П о л о н и й
(в сторону)

Все о моей дочери.

Г а м л е т

Разве я неправ, старый Иеффай?

П о л о н и й

Если вы меня зовете Иеффаем, принц, то у меня есть дочь, которую я люблю нежней всего.

Г а м л е т

Нет, следует не это.

П о л о н и й

А что же следует, принц?

Г а м л е т

А вот что:

«Но выпал жребий, видит бог»,
и дальше, сами знаете:

«Случилось так, как и думал всяк».

Первая строфа этой благочестивой песни скажет вам остальное; потому что, вот видите, идут мои отвлекатели.

Входят четверо или пятеро актеров.

Добро пожаловать, господа; добро пожаловать всем.— Я рад тебя видеть благополучным.— Добро пожаловать, дорогие друзья! — А, мой старый друг! Твое лицо обросло бахромой с тех пор, как я тебя в последний раз видел; или ты приехал в Данию, чтобы меня затмить? — Что я вижу, моя молодая госпожа!* Клянусь владычицей небесной, ваша милость ближе к небу, чем когда я видел ее в последний раз, на целый каблук. Молю бога, чтобы ваш голос не оказался надтреснутым, как вышедший из обращения золотой.— Господа, всем вам добро пожаловать. Мы, как французские сокольники, налетим на первое, что нам попадет; давайте сразу же монолог; ну-ка, покажите нам образец вашего искусства; ну-ка, страстный монолог.

П е р в ы й а к т е р

Какой монолог, мой добрый принц?

Г а м л е т

Я слышал, как ты однажды читал монолог, но только он никогда не игрался; а если это и было, то не больше одного раза; потому что пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра*; но это была — как я ее воспри-

нял и другие, чье суждение в подобных делах погромче моего,— отличная пьеса, хорошо распределенная по сценам, построенная столь же просто, сколь и умело. Я помню, кто-то сказал, что стихи не приправлены для того, чтобы сделать содержание вкусным, а речи не содержат ничего такого, что обличало бы автора в вычурности; и называл это добропорядочным приемом, здоровым и приятным, и гораздо более красивым, нежели нарядным. Один монолог я в ней особенно любил; это был рассказ Энея Дидоне; и главным образом то место, где он говорит об убиении Приама. Если он жив в вашей памяти, начните с этой строки. Позвольте, позвольте:

«Косматый Пирр*, с гирканским зверем* схожий...»
Не так: начинается с Пирра:

«Косматый Пирр — тот, чье оружие черно,
Как мысль его, и ночи той подобно,
Когда в зловещем он лежал коне,—
Свой мрачный облик ныне изукрасил
Еще страшной финифтью; ныне он —
Сплошная червлень*, весь расцвечен кровью
Мужей и жен, сынов и дочерей,
Запекшейся от раскаленных улиц,
Что льют проклятый и жестокий свет
Цареубийству; жгуч огнем и злобой,
Обросший липким багрецом, с глазами,
Как два карбункула, Пирр ищет старца
Приама».

Так, продолжайте вы.

П о л о н и й

Ей-богу, принц, хорошо прочитано, с должной выразительностью и с должным чувством.

П е р в ы й а к т е р

«Вот его находит он
Вотще разящим греков; ветхий меч,
Руке строптивый, лег, где опустился,
Не внемля воле; Пирр в неравный бой
Спешит к Приаму; буйно замахнулся;
Уже от свиста дикого меча
Царь падает. Воздушный Илион,

Как будто чуя этот взмах, склоняет
Горящее чело и жутким треском
Пленяет Пирров слух; и меч его,
Вознесшийся над млечною главою
Маститого Приама, точно замер.
Так Пирр стоял, как изверг на картине,
И, словно чуждый воле и свершенью,
Бездействовал.

Но как мы часто видим пред грозой —
Молчанье в небе, тучи недвижимы,
Безгласны ветры и земля внизу
Тиха, как смерть, и вдруг ужасным громом
Разодран воздух, так, помедлив, Пирра
Проснувшаяся месть влечет к делам;
И никогда не падали, куя,
На броню Марса молоты Циклопов
Так яростно, как Пирров меч кровавый
Пал на Приама.

Прочь, прочь, развратница Фортуна! Боги,
Вы все, весь сонм, ее лишите власти;
Сломайте колесо ей, спицы, обод —
И ступицу с небесного холма
Швырните к бесам!»

Полоний

Это слишком длинно.

Гамлет

Это пойдет к цирюльнику вместе с вашей бородой.—
Прошу тебя, продолжай; ему надо плясовую песенку или
непристойный рассказ, иначе он спит. Продолжай; перейди
к Гекубе.

Первый актер

«Но кто бы видел жалкую царицу...»

Гамлет

«Жалкую царицу»?

Полоний

Это хорошо, «жалкую царицу» — это хорошо.

Первый актер

«...Бегущую босой, в слепых слезах,
Грозящих пламени; лоскут накинута
На венценосное чело; одеждой
Вкруг родами иссушенного лона —
Захваченная в страхе простыня;
Кто б это видел, тот на власть Фортуны
Устами змея молвил бы хулу;
И если бы ее видали боги,
Когда пред нею, злобным делом тешась,
Пирр тело мужнее кромсал мечом,
Мгновенный вопль, исторгшийся у ней, —
Коль смертное их трогает хоть мало, —
Огни очей небесных увлажнил бы
И возмутил богов».

Полоний

Смотрите, ведь он изменился в лице, и у него слезы на глазах. — Пожалуйста, довольно.

Гамлет

Хорошо, ты мне доскажешь остальное потом. — Милостивый мой государь, не позаботитесь ли вы о том, чтобы актеров хорошо устроили? Слышите, пусть их примут хорошо, потому что они — обзор и краткие летописи века; лучше вам после смерти получить плохую эпитафию, чем дурной отзыв от них, пока вы живы.

Полоний

Принц, я их приму сообразно их заслугам.

Гамлет

Черта с два, милейший, много лучше! Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута? Примите их согласно с собственною честью и достоинством; чем меньше они заслуживают, тем больше славы вашей доброте. Проводите их.

Полоний

Идемте, господа.

Г а м л е т

Ступайте за ним, друзья; завтра мы дадим представление.

Полоний и все актеры, кроме первого, уходят

Послушайте, старый друг; можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?

Первый актер

Да, принц.

Г а м л е т

Мы это представим завтра вечером. Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда? Могли бы вы?

Первый актер

Да, принц.

Г а м л е т

Отлично. Ступайте за этим господином; и смотрите не смейтесь над ним.

Первый актер уходит.

Дорогие мои друзья, я прощусь с вами до вечера; рад вас видеть в Эльсиноре.

Р о з е н к р а н ц

Мой добрый принц!

Г а м л е т

Итак, храни вас бог!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Вот я один.

О, что за дрянь я, что за жалкий раб!
Не стыдно ли, что этот вот актер
В воображенье, в вымышленной страсти
Так поднял дух свой до своей мечты,
Что от его работы стал весь бледен;

Увлажен взор, отчаянье в лице,
Надломлен голос, и весь облик вторит
Его мечте. И все из-за чего?
Из-за Гекубы! Что ему Гекуба,
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод и подсказ для страсти,
Как у меня? Залив слезами сцену,
Он общий слух рассек бы грозной речью,
В безумье вверх бы грешных, чистых — в ужас,
Незнающих — в смятенье и сразил бы
Бессилием и уши и глаза.

А я,
Тупой и вялодушный дурень, мямлю,
Как ротозей, своей же правде чуждый,
И ничего сказать не в силах; даже
За короля, чья жизнь и достоянье
Так гнусно сгублены. Или я трус?
Кто скажет мне: «подлец»? Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забьет мне в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!

Ей-богу, я бы снес: ведь у меня
И печень голубиная — нет желчи,
Чтоб огорчаться злом, не то давно
Скормил бы я всем коршунам небес
Труп негодяя. Хищник и подлец!
Блудливый, вероломный, злой подлец!
О мщенье!

Ну и осел же я! Как это славно,
Что я, сын умерщвленного отца,
Влекомый к мести небом и геенной,
Как шлюха, отвожу словами душу
И упражняюсь в ругани, как баба.
Как судомойка!
Фу, гадость! К делу, мозг! Гм, я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья;
Убийство, хоть и немо, говорит

Чудесным языком. Велю актерам
Представить нечто, в чем бы дядя видел
Смерть Гамлета; вопьюсь в его глаза;
Проникну до живого; чуть он дрогнет,
Свой путь я знаю. Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален,—
А над такой душой он очень мощен,—
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище-петля,
Чтоб заарканить совесть короля.

(Уходит.)

АКТ III

СЦЕНА I

Комната в замке.

Входят король, королева, Полоний, Офелия,
Розенкранц и Гильденстерн.

Король

И вам не удастся разузнать,
Зачем он распаляет эту смуту,
Терзающую дни его покоя
Таким тревожным и опасным бредом?

Розенкранц

Он признается сам, что он расстроен,
Но чем — сказать не хочет ни за что.

Гильденстерн

Расспрашивать себя он не дает
И с хитростью безумства ускользает,
Чуть мы хотим склонить его к признанию
О нем самом.

Королева

А как он принял вас?

Розенкранц

Со всей учтивостью.

Гильденстерн

Но и с большой натянутостью тоже.

Розенкранц

Скуп на вопросы, но непринужден
В своих ответах.

Королева

Вы не домогались,
Чтоб он развлекся?

Розенкранц

Случилось так, что мы перехватили
В дороге неких актеров; это
Ему сказали мы, и он как будто
Обрадовался даже; здесь они
И, кажется, уже приглашены
Играть пред ним сегодня.

Полоний

Это верно;
И он через меня шлет просьбу вашим
Величествам послушать и взглянуть.

Король

От всей души; и мне отрадно слышать,
Что к этому он склонен.—
Вы, господа, старайтесь в нем усилить
Вкус к удовольствиям.

Розенкранц

Да, государь.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Король

Оставьте нас и вы, моя Гертруда,
Мы, под рукой, за Гамлетом послали,
Чтоб здесь он встретился как бы случайно

С Офелией. А мы с ее отцом,
Законные лазутчики, побудем
Невдалеке, чтобы, незримо видя,
О встрече их судить вполне свободно
И заключить по поведению принца,
Любовное ль терзанье или нет
Его так мучит.

К о р о л е в а

Я вам повинуюсь! —
И пусть, Офелия, ваш милый образ
Окажется счастливою причиной
Его безумств, чтоб ваша добродетель
На прежний путь могла его наставить,
Честь принеся обоим.

О ф е л и я

Если б так!

К о р о л е в а уходит.

П о л о н и й

Ты здесь гуляй, Офелия.— Пресветлый,
Мы скроемся.

(Офелии.)

Читай по этой книге,
Дабы таким занятием прикрасить
Уединенье. В этом все мы грешны.—
Доказано, что набожным лицом
И постным видом мы и черта можем
Обсахарить.

К о р о л ь

(в сторону)

Ах, это слишком верно!
Как больно мне по совести хлестнул он!
Щека блудницы в наводных румянах
Не так мерзка под лживой красотой,
Как мой поступок под раскраской слов.
О тягостное время!

П о л о н и й

Его шаги; мой государь, идемте
Прочь.

Король и Полоний уходят
Входит Гамлет.

Г а м л е т

Быть или не быть — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленье века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливость,
Заносчивость властей и оскорбленье,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши
И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.

О ф е л и я

Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?

Г а м л е т

Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.

О ф е л и я

Принц, у меня от вас подарки есть;
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.

Г а м л е т

Я? Нет;
Я не дарил вам ничего.

О ф е л и я

Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар,— их аромат исчез.
Возьмите же; подарок нам не мил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц.

Г а м л е т

Ха-ха! Вы добродетельны?

О ф е л и я

Мой принц?

Г а м л е т

Вы красивы?

О ф е л и я

Что ваше высочество хочет сказать?

Г а м л е т

То, что, если вы добродетельны и красивы, ваша добродетель не должна допускать беседований с вашей красотой.

О ф е л и я

Разве у красоты, мой принц, может быть лучшее общество, чем добродетель?

Г а м л е т

Да, это правда; потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие; некогда это было парадоксом, но наш век это доказывает. Я вас любил когда-то.

О ф е л и я

Да, мой принц, и я была вправе этому верить.

Г а м л е т

Напрасно вы мне верили; потому что, сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он все-таки в нас будет сказываться; я не любил вас.

О ф е л и я

Тем больше была я обманута.

Г а м л е т

Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников? Сам я, скорее, честен, и все же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет; я очень горд, мстителен, честолюбив; к моим услугам столько прегрешений, что мне не хватает мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтобы придать им облик, и времени, чтобы их совершить. К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей? Все мы — отпетые плуты; никому из нас не верь. Ступай в монастырь. Где ваш отец?

О ф е л и я

Дома, принц.

Г а м л е т

Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте.

О ф е л и я

О, помоги ему, всеблагое небо!

Г а м л е т

Если ты выйдешь замуж, то вот какое проклятие я тебе дам в приданое: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежешь клеветы. Уходи в монастырь. Прощай. Или, если уж ты непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака, потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь — и поскорее. Прощай.

О ф е л и я

О силы небесные, исцелите его!

Г а м л е т

Слышал я и про ваше малевание, вполне достаточно; бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое; вы приплясываете, вы припрыгиваете, и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и хотите, чтобы ваше беспутство принимали за неведение. Нет, с меня довольно: это свело меня с ума. Я говорю, у нас не будет больше браков; те, кто уже в браке, все, кроме одного, будут жить; прочие останутся, как они есть. В монастырь! (Уходит.)

О ф е л и я

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом. О, как сердцу снести!
Видав бывшее, видеть то, что есть!

Король и Полоний возвращаются.

К о р о л ь

Любовь? Не к ней его мечты стремятся;
И речь его, хоть в ней и мало строя,
Была не бредом. У него в душе

Уныние высиживает что-то;
И я боюсь, что вылупиться может
Опасность. Чтоб ее предотвратить,
Я, быстро рассудив, решаю так:
Он в Англию отправится немедля
Сбирать недополученную дань;
Быть может, море, новые края
И перемена зрелищ истребят
То, что засело в сердце у него,
Над чем так бьется мозг, обезобразив
Его совсем. Что ты об этом скажешь?

П о л о н и й

Так будет хорошо; а все ж, по мне,
Начало и причина этой скорби —
В отвергнутой любви.— Ну что, Офелия?
О принце можешь нам не сообщать,
Все было слышно.— Государь, да будет
По-вашему; но после представленья
Пусть королева-мать его попросит
Открыться ей; пусть говорит с ним прямо.
Дозвольте мне прислушаться. И если
Он будет запирается, вы его
Пошлите в Англию иль заточите,
Куда сочтете мудрым.

К о р о л ь

Да, нет спора.
Безумье сильных требует надзора.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Входят Гамлет и актеры.

Г а м л е т

Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел,
легким языком; а если вы станете его горланить, как это
у вас делают многие актеры, то мне было бы одинаково
приятно, если бы мои строки читал бирюч. И не слишком

пилите воздух руками, вот этак; но будьте во всем ровны; ибо в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру, которая придавала бы ей мягкость. О, мне возмущает душу, когда я слышу, как здоровенный лохматый детина рвет страсть в клочки, прямо-таки в лохмотья, и раздирает уши партеру, который по большей части ни к чему не способен, кроме невразумительных пантомим и шума; я бы отхлестал такого молодца, который старается перещегоолять Термаганта*, они готовы Ирода переиродить*. Прошу вас, избегайте этого.

Первый актер

Я ручаюсь вашей чести.

Гамлет

Не будьте также и слишком вялы, но пусть ваше собственное разумение будет вашим наставником; сообразуйте действие с речью, речь — с действием; причем особенно наблюдайте, чтобы не переступить простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток. Если это переступить или же этого не достигнуть, то хотя невежду это и рассмешит, однако же ценитель будет огорчен; а его суждение, как вы и сами согласитесь, должно перевешивать целый театр прочих. Ах, есть актеры — и я видел, как они играли, и слышал, как иные их хвалили, и притом весьма, — которые, если не грех так выразиться, и голосом не обладая христианским, и поступью не похожие ни на христиан, ни на язычников, ни вообще на людей, так ломались и завывали, что мне думалось, не сделал ли их какой-нибудь поденщик природы, и сделал плохо, до того отвратительно они подражали человеку.

Первый актер

Надеюсь, мы более или менее искоренили это у себя.

Гамлет

Ах, искорените совсем. А тем, кто у вас играет шутов, давайте говорить не больше, чем им полагается; потому что

среди них бывают такие, которые сами начинают смеяться, чтобы рассмешить известное количество пустейших зрителей, хотя как раз в это время требуется внимание к какому-нибудь важному месту пьесы; это пошло и доказывает весьма прискорбное тщеславие у того дурака, который так делает. Идите приготовьтесь.

Актеры уходят. Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Ну, что, сударь мой? Желает король послушать это произведение?

Полоний

И королева также, и притом немедленно.

Гамлет

Скажите актерам поторопиться.

Полоний уходит.

Не поможете ли и вы оба поторопить их?

Розенкранц и Гильденстерн

Да, принц.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Гамлет

Эй! Горацио!

Входит Горацио.

Горацио

Здесь, принц, к услугам вашим.

Гамлет

Горацио, ты лучший из людей,
С которыми случилось мне сходиться.

Горацио

О принц...

Гамлет

Нет, не подумай, я не льщу;
Какая мне в тебе корысть, раз ты

Одет и сыт одним веселым нравом?
Таким не льстят. Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно. Ты слышишь?
Едва мой дух стал выбирать свободно
И различать людей, его избранье
Отметило тебя; ты человек,
Который и в страданиях не страждет
И с равной благодарностью приемлет
Гнев и дары судьбы; благословен,
Чьи кровь и разум так отрадно слиты,
Что он не дудка в пальцах у Фортуны,
На нем играющей. Будь человек
Не раб страстей,— и я его замкну
В середине сердца, в самом сердце сердца,
Как и тебя. Достаточно об этом.
Сегодня перед королем играют;
Одна из сцен напоминает то,
Что я тебе сказал про смерть отца;
Прошу тебя, когда ее начнут,
Всей силою души следи за дядей;
И если в нем при неких словах
Сокрытая вина не содрогнется,
То, значит, нам являлся адский дух
И у меня воображенья мрачно,
Как кузница Вулкана. Будь позорче;
К его лицу я прикую глаза,
А после мы сличим сужденья наши
И взвесим виденное.

Г о р а ц и о

Хорошо.

Когда он утаит хоть что-нибудь
И ускользнет, то я плачу за кражу.

Г а м л е т

Они идут. Мне надо быть безумным.
Садись куда-нибудь.

Датский марш. Трубы. Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие приближенные вельможи вместе со стражей, несущей факелы.

К о р о л ь

Как поживает наш племянник Гамлет?

Г а м л е т

Отлично, ей-же-ей; живу на хамелеоновой пище, питаюсь воздухом, пичкаюсь обещаниями; так не откармливают и каплунов.

К о р о л ь

Этот ответ ко мне не относится, Гамлет, эти слова не мои*.

Г а м л е т

Да, и не мои больше. (*Полонию.*) Сударь мой, вы говорите, что когда-то играли в университете?

П о л о н и й

Играл, мой принц, и считался хорошим актером.

Г а м л е т

А что же вы изображали?

П о л о н и й

Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии; меня убил Брут.

Г а м л е т

С его стороны было очень грутально* убить столь капитальное теля.— Что, актеры готовы?

Р о з е н к р а н ц

Да, мой принц; они ожидают ваших распоряжений.

К о р о л е в а

Поди сюда, мой милый Гамлет, сядь возле меня.

Г а м л е т

Нет, дорогая матушка, здесь есть металл более притягательный.

П о л о н и й

(*тихо, королю*)

Ого, вы слышите?

Г а м л е т

Сударыня, могу я прилечь к вам на колени? (*Ложится к ногам Офелии.*)

О ф е л и я

Нет, мой принц.

Г а м л е т

Я хочу сказать: положить голову к вам на колени?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

Вы думаете, у меня были грубые мысли?

О ф е л и я

Я ничего не думаю, мой принц.

Г а м л е т

Прекрасная мысль — лежать между девичьих ног.

О ф е л и я

Что, мой принц?

Г а м л е т

Ничего.

О ф е л и я

Вам весело, мой принц?

Г а м л е т

Кому? Мне?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

О господи, я попросту скomorox. Да что и делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец.

О ф е л и я

Нет, тому уже дважды два месяца, мой принц.

Г а м л е т

Так давно? Ну, так пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О небо! Умереть два месяца тому назад и все еще не быть забытым? Тогда есть надежда, что память о великом человеке может пережить его жизнь на целых полгода! Но, клянусь владычицей небесной, он должен строить церкви, иначе ему грозит забвение, как коньку-скакунку*, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! Конек-скакунок позабыт!»

Играют гобои. Начинается пантомима.

Входят актеры — король и королева; весьма нежно королева обнимает его, а он ее. Она становится на колени и делает ему знаки уверения. Он поднимает ее и склоняет голову к ней на плечо; ложится на цветущий дерн; она, видя, что он уснул, покидает его. Вдруг входит человек, снимает с него корону, целует ее, вливает яд в уши королю и уходит. Возвращается королева, застаёт короля мертвым и разыгрывает страстное действие. О т р а в и т е л ь, с двумя или тремя б е з м о л в н ы м и, входит снова, делая вид, что скорбит вместе с нею. Мертвое тело уносят прочь. Отравитель улеживает королеву дарами; вначале она как будто недовольна и несогласна, но наконец принимает его любовь.

Все уходят.

О ф е л и я

Что это значит, мой принц?

Г а м л е т

Это крадущееся малечо*, что значит «злодейство».

О ф е л и я

Может быть, эта сцена показывает содержание пьесы?

Входит Пролог.

Г а м л е т

Мы это узнаем от этого молодца; актеры не умеют хранить тайн; они всегда все скажут.

О ф е л и я

Он нам скажет, что значило то, что они сейчас показывали?

Г а м л е т

Да, как и все то, что вы ему покажете; вы не стыдитесь ему показать, а он не постыдится сказать вам, что это значит.

О ф е л и я

Вы нехороший, вы нехороший! Я буду следить за представлением.

П р о л о г

Пред нашим представлением
Мы просим со смирением
Нас подарить терпением.

(Уходит.)

Г а м л е т

Что это: пролог или стихи для перстня?*

О ф е л и я

Это коротко, мой принц.

Г а м л е т

Как женская любовь.

Входят актеры — король и королева.

А к т е р - к о р о л ь

Се тридцать раз* круг моря и земли
Колеса Феба в беге обтекли,
И тридцатью двенадцать лун на нас
Сияло тридцатью двенадцать раз,
С тех пор как нам связал во цвете дней
Любовь, сердца и руки Гименей.

А к т е р - к о р о л е в а

Пусть столько ж лун и солнц сочтем мы вновь
Скорей, чем в сердце кончится любовь!
Но только, ах, ты с некоторых пор
Так озабочен, утомлен и хвор,
Что я полна волненья. Но оно
Тебя ничуть печалить не должно;
Ведь в женщине любовь и страх равны:
Их вовсе нет или они сильны.

Мою любовь ты знаешь с юных дней;
Так вот и страх мой соразмерен с ней.
Растет любовь, растет и страх в крови;
Где много страха, много и любви.

А к т е р - к о р о л ь

Да, нежный друг, разлуки близок час;
Могучих сил огонь во мне погас;
А ты на милом свете будешь жить
В почете и любви; и, может быть,
С другим супругом ты...

А к т е р - к о р о л е в а

О, пощади!
Предательству не жить в моей груди.
Второй супруг — проклятие и стыд!
Второй — для тех, кем первый был убит.

Г а м л е т
(в сторону)

Полынь, полынь!

А к т е р - к о р о л е в а

Тех, кто в замужество вступает вновь,
Влечет одна корысть, а не любовь;
И мертвого я умерщвляю опять,
Когда другому дам себя обнять.

А к т е р - к о р о л ь

Я верю, да, так мыслишь ты сейчас,
Но замыслы недолговечны в нас.
Подвластны нашей памяти они:
Могуче их рожденье, хрупки дни;
Так плод неспелый к дереву прикреплен,
Но падает, когда созреет он.
Вполне естественно, из нас любой
Забудет долг перед самим собой;
Тому, что в страсти было решено,
Чуть минет страсть, забвенье суждено.
И радость и печаль, бушуя в нас,
Свои решенья губят в тот же час;
Где смех, там плач,— они дружнее всех;

Легко смеется плач и плачет смех.
Не вечен мир, и все мы видим вновь,
Как счастьем вслед меняется любовь;
Кому кто служит — мудрый, назови:
Любовь ли счастьем, счастье ли любви?
Вельможа пал, — он не найдет слуги;
Бедняк в удаче, — с ним дружат враги;
И здесь любовь за счастьем вслед идет;
Кому не нужно, тот друзей найдет,
А кто в нужде спешит к былым друзьям,
Тот в недругов их превращает сам.
Но чтобы речь к началу привести:
Дум и судеб столь разнствуют пути,
Что нашу волю рушит всякий час,
Желанья — наши, их конец вне нас;
Ты новый брак отвергла наперед,
Но я умру — и эта мысль умрет.

А к т е р - к о р о л е в а

Земля, не шли мне снеди, твердь — лучей!
Исчезни, радость дня, покой ночей!
Мои надежды да поглотит тьма!
Да ждут меня хлеб скудный и тюрьма!
Все злобное, чем радость смущена,
Мои мечты да истребит до дна!
И здесь и там да будет скорбь со мной,
Коль, овдовев, я стану вновь женой!

Г а м л е т

Что, если она теперь это нарушит!

А к т е р - к о р о л ь

Нет глубже клятв. Мой друг, оставь меня;
Я утомлен и рад тревогу дня
Рассеять сном.

(Засыпает.)

А к т е р - к о р о л е в а

Пусть дух твой отдохнет,
И пусть вовек не встретим мы невзгод.

(Уходит.)

Г а м л е т

Сударыня, как вам нравится эта пьеса?

К о р о л е в а

Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему.

Г а м л е т

О, ведь она сдержит слово.

К о р о л ь

Ты слышал содержание? Здесь нет ничего предосудительного?

Г а м л е т

Нет, нет; они только шутят, отравляют ради шутки, ровно ничего предосудительного.

К о р о л ь

Как называется пьеса?

Г а м л е т

«Мышеловка». Но в каком смысле? В переносном. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене; имя герцога — Гонзаго; его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это подлая история, но не все ли равно? Вашего величества и нас, у которых душа чиста, это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее ссадина,— у нас загривок не натерт.

Входит актер — Луциан.

Это некий Луциан, племянник короля.

О ф е л и я

Вы отличный хор, мой принц*.

Г а м л е т

Я бы мог служить толкователем* вам и вашему милому, если бы мог видеть, как эти куклы пляшут.

О ф е л и я

Вы колки, мой принц, вы колки.

Г а м л е т

Вам пришлось бы постонать, прежде чем притупится мое острие.

О ф е л и я

Все лучше, и все хуже.

Г а м л е т

Так и вы должны брать себе мужей.— Начинай, убийца. Да брось же проклятые свои ужимки и начинай. Ну: «Взывает к мщенью каркающий ворон».

Л у ц и а н

Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не видит взгляд;
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом.

(Вливает яд в ухо спящему.)

Г а м л е т

Он отравляет его в саду ради его державы. Его зовут Гонзаго. Такая повесть имеется и написана отменнейшим итальянским языком. Сейчас вы увидите, как убийца снимает любовь Гонзаговой жены.

О ф е л и я

Король встает!

Г а м л е т

Что? Испугался холостого выстрела!

К о р о л е в а

Что с вашим величеством?

П о л о н и й

Прекратите игру!

К о р о л ь

Дайте сюда огня.— Уйдем!

Все

Огня, огня, огня!

Все, кроме Гамлета и Горацио, уходят.

Г а м л е т

Олень подстреленный хрипит,
А лани горя нет.
Тот — караулит, этот — спит.
Уж так устроен свет.

Неужто с этим, сударь мой, и с лесом перьев,— если в остальном судьба обошлась бы со мною, как турок,— да с парой прованских роз на прорезных башмаках я не получил бы места в труппе актеров, сударь мой?

Г о р а ц и о

С половинным паем.

Г а м л е т

С целым, по-моему.

Мой милый Дамон*, о поверь,
На этом троне цвел
Второй Юпитер; а теперь
Здесь царствует — павлин*.

Г о р а ц и о

Вы могли бы сказать в рифму.

Г а м л е т

О дорогой Горацио, я за слова призрака поручился бы тысячей золотых. Ты заметил?

Г о р а ц и о

Очень хорошо, мой принц.

Г а м л е т

При словах об отравлении?

Г о р а ц и о

Я очень зорко следил за ним.

Г а м л е т

Ха-ха! Эй, музыку! Эй, флейты!

Раз королю не нравятся спектакли,
То, значит, он не любит их, не так ли?
Эй, музыку!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

Г и л ь д е н с т е р н

Мой добрый принц, разрешите сказать вам два слова.

Г а м л е т

Сударь мой, хоть целую историю.

Г и л ь д е н с т е р н

Король...

Г а м л е т

Да, сударь мой, что с ним?

Г и л ь д е н с т е р н

Удалился, и ему очень не по себе.

Г а м л е т

От вина, сударь мой?

Г и л ь д е н с т е р н

Нет, мой принц, скорее от желчи.

Г а м л е т

Ваша мудрость выказала бы себя более богатой, если бы вы сообщили об этом его врачу, потому что если за его очищение возьмусь я, то, пожалуй, погружу его в еще пущую желчь.

Г и л ь д е н с т е р н

Мой добрый принц, приведите вашу речь в некоторый порядок и не отклоняйтесь так дико от моего предмета.

Г а м л е т

Сударь мой, я смирен; повествуйте.

Г и л ь д е н с т е р н

Королева, ваша мать, в величайшем сокрушении духа, послала меня к вам.

Г а м л е т

Милости прошу.

Г и л ь д е н с т е р н

Нет, мой добрый принц, эта любезность не того свойства, как нужно. Если вам угодно будет дать мне здравый ответ, я исполню приказание вашей матери; если нет, то мое поручение окончится тем, что вы меня отпустите и я удалюсь.

Г а м л е т

Сударь мой, я не могу.

Г и л ь д е н с т е р н

Чего, мой принц?

Г а м л е т

Дать вам здравый ответ: рассудок мой болен. Но, сударь мой, такой ответ, какой я могу дать, к вашим услугам или, вернее, как вы говорите, к услугам моей матери. Итак, довольно этого, и к делу; моя мать, говорите вы...

Р о з е н к р а н ц

Так вот, она говорит: ваши поступки повергли ее в изумление и недоумение.

Г а м л е т

О, чудесный сын, который может так удивлять свою мать! А за этим материнским изумлением ничто не следует по пятам? Поведайте.

Р о з е н к р а н ц

Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы пойдете ко сну.

Г а м л е т

Мы повинемся, хотя бы она десять раз была нашей матерью. Есть у вас еще какие-нибудь дела ко мне?

Розенкранц

Мой принц, вы когда-то любили меня.

Гамлет

Так же, как и теперь, клянусь этими ворами и грабителями*.

Розенкранц

Мой добрый принц, в чем причина вашего расстройства? Вы же сами заграждаете дверь своей свободе, отстраняя вашего друга от ваших печалей.

Гамлет

Сударь мой, у меня нет никакой будущности.

Розенкранц

Как это может быть, когда у вас есть голос самого короля, чтобы наследовать датский престол?

Гамлет

Да, сударь мой, но «пока трава растет...»* — пословица слегка заплесневелая.

Возвращаются музыканты с флейтами.

А, флейты! Дайте-ка мне одну.— Отойдите в сторону.— Почему вы все стараетесь гнать меня по ветру, словно хотите загнать меня в сеть?

Гильденстерн

О, мой принц, если моя преданность слишком смела, то это моя любовь так неучтивая.

Гамлет

Я это не совсем понимаю. Не сыграете ли вы на этой дудке?

Гильденстерн

Мой принц, я не умею.

Гамлет

Я вас прошу.

Гильденстерн

Поверьте мне, я не умею.

Гамлет

Я вас умоляю.

Гильденстерн

Я и держать ее не умею, мой принц.

Гамлет

Это так же легко, как лгать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой. Видите — вот это лады.

Гильденстерн

Но я не могу извлечь из них никакой гармонии; я не владею этим искусством.

Гамлет

Вот видите, что за негодную вещь вы из меня делаете?

На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать от самой низкой моей ноты до самой вершины моего звука; а вот в этом маленьком снаряде — много музыки, отличный голос; однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил. Черт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете.

Полоний возвращается.

Благослови вас бог, сударь мой!

Полоний

Принц, королева желала бы поговорить с вами, и тотчас же.

Гамлет

Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?

П о л о н и й

Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.

Г а м л е т

По-моему, оно похоже на ласточку.

П о л о н и й

У него спина, как у ласточки.

Г а м л е т

Или как у кита?

П о л о н и й

Совсем как у кита.

Г а м л е т

Ну, так я сейчас приду к моей матери.

(В сторону.)

Они меня совсем с ума сведут! — Я сейчас приду.

П о л о н и й

Я так и скажу.

(Уходит.)

Г а м л е т

Сказать «сейчас» легко. — Оставьте меня, друзья.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Теперь как раз тот колдовской час ночи,
Когда гроба зияют и заразой
Ад дышит в мир; сейчас я жаркой крови
Испить бы мог и совершить такое,
Что день бы дрогнул. Тише! Мать звала.
О сердце, не утрать природы; пусть
Душа Нерона в эту грудь не внидет*;
Я буду с ней жесток, но я не изверг;
Пусть речь грозит кинжалом, не рука;
Язык и дух да будут лицемерны;
Хоть на словах я причину ей боль,
Дать скрепу им, о сердце, не дозволю!

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната в замке.

Входит король, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Он ненавистен мне, да и нельзя
Давать простор безумству. Приготовьтесь;
Я вас снабжу немедленно полномочьем,
И вместе с вами он отбудет в Англию;
Наш сан не может потерпеть соседство
Опасности, которою всечасно
Грозит нам бред его.

Гильденстерн

Мы снарядимся;
Священная и правая забота —
Обезопасить эту тьму людей,
Живущих и питающихся вашим
Величеством.

Розенкранц

Жизнь каждого должна
Всей крепостью и всей броней души
Хранить себя от бед, а наипаче
Тот дух, от счастья коего зависит
Жизнь множества. Кончина государя
Не одинока, но влечет в пучину
Все, что вблизи; то как бы колесо,
Поставленное на вершине горной,
К чьим мощным спицам тысячи предметов
Прикреплены; когда оно падет,
Малейший из придатков будет схвачен
Грозой крушенья. Искони времен
Монаршей скорби вторит общий стон.

Король

Готовьтесь, я прошу вас, в скорый путь;
Пора связать страшилище, что бродит
Так, нестреноженно.

Розенкранц и Гильденстерн
Мы поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят. Входит Полоний
Полоний

Мой государь, он к матери пошел.
Я спрячусь за ковром, чтоб слышать все;
Ручаюсь вам, она его приструнит.
Как вы сказали — и сказали мудро, —
Желательно, чтоб кто-нибудь другой,
Не только мать — природа в них пристрастна, —
Внимал ему. Прощайте, государь,
Я к вам зайду, пока вы не легли,
Сказать, что я узнал.

Король

Благодарю.

Полоний уходит.

О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
На нем старейшее из всех проклятий —
Братоубийство! Не могу молиться,
Хотя остра и склонность, как и воля;
Вина сильнее, чем сильное желанье,
И, словно тот, кто призван к двум делам,
Я медлю и в бездействии колеблюсь.
Будь эта вот проклятая рука
Плотней самой себя от братской крови,
Ужели у небес дождя не хватит
Омыть ее, как снег? На что и милость,
Как не на то, чтоб стать лицом к вине?
И что в молитве, как не власть двойная —
Стеречь наш путь и снискивать прощенье
Тому, кто пал? Вот я подьемаю взор, —
Вина отпущена. Но что скажу я?
«Прости мне это гнусное убийство»?
Тому не быть, раз я владею всем,
Из-за чего я совершил убийство:
Венцом, и торжеством, и королевой.
Как быть прощенным и хранить свой грех?

В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье
И часто покупается закон
Ценой греха; но наверху не так:
Там кривды нет, там дело предлежит
Воистине, и мы принуждены
На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать. Что же остается?
Раскаянье? Оно так много может.
Но что оно тому, кто нераскаян?
О жалкий жребий! Грудь чернее смерти!
Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!
Гниль, жесткое колено! Жилы сердца!
Смягчитесь, как у малого младенца!
Все может быть еще и хорошо.

(Отходит в сторону и становится на колени.)

Входит Гамлет.

Гамлет

Теперь свершить бы все,— он на молитве;
И я свершу, и он взойдет на небо;
И я отмщен. Здесь требуется взвесить:
Отец мой гибнет от руки злодея,
И этого злодея сам я шлю
На небо.
Ведь это же награда, а не месть!
Отец сражен был в грубом пресыщенье,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.
Но по тому, как можем мы судить,
С ним тяжело; и буду ль я отмщен,
Сразив убийцу в чистый миг молитвы,
Когда он в путь снаряжен и готов?
Нет.
Назад, мой меч, узнай страшной обхват;
Когда он будет пьян, или во гневе,
Иль в кровосмесных наслажденьях ложа;
В кощунстве, за игрой, за чем-нибудь,
В чем нет добра.— Тогда его сшиби,
Так, чтобы пятками брыкнул он в небо

И чтоб душа была черна, как ад,
Куда она отправится.— Мать ждет,—
То лишь отсрочку врач тебе дает.

(Уходит.)

К о р о л ь

(вставая)

Слова летят, мысль остается тут;
Слова без мысли к небу не дойдут.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Комната королевы.

Входят королева и Полоний.

П о л о н и й

Сейчас придет он. Будьте с ним построже;
Скажите, что он слишком дерзко шутит,
Что вы его спасли, став между ним
И грозным гневом. Я укроюсь тут.
Прошу вас, будьте круты.

Г а м л е т

(за сценой)

Мать, мать, мать!

К о р о л е в а

Я вам ручаюсь; за меня не бойтесь.
Вы отойдите; он идет, я слышу.

Полоний прячется за ковром.

Входит Гамлет.

Г а м л е т

В чем дело, мать, скажите?

К о р о л е в а

Сын, твой отец тобой обижен тяжко.

Г а м л е т

Мать, мой отец обижен вами тяжко.

Королева

Не отвечайте праздным языком.

Гамлет

Не вопрошайте грешным языком.

Королева

Что это значит, Гамлет?

Гамлет

Что вам надо?

Королева

Вы позабыли, кто я?

Гамлет

Нет, клянусь.

Вы королева, дядина жена;

И — о, зачем так вышло! — вы мне мать.

Королева

Так пусть же с вами говорят другие!

Гамлет

Нет, сядьте. Вы отсюда не уйдете,

Пока я в зеркале не покажу вам

Все сокровеннейшее, что в вас есть.

Королева

Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?

О, помогите!

Полоний

(за ковром)

Эй, люди! Помогите, помогите!

Гамлет

(обнажая шпагу)

Что? Крыса?

(Пронзает ковер.)

Ставлю золотой — мертва!

Полоний

(за ковром)

Меня убили!

(*Падает и умирает.*)

Королева

Боже, что ты сделал?

Гамлет

Я сам не знаю; это был король?

Королева

Что за кровавый и шальной поступок!

Гамлет

Немногим хуже, чем в грехе проклятом,
Убив царя, венчаться с царским братом.

Королева

Убив царя?

Гамлет

Да, мать, я так сказал.

(*Откидывает ковер и обнаруживает Полония.*)

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!
Я метил в высшего; прими свой жребий;
Вот как опасно быть не в меру шустрым.—
Рук не ломайте. Тише! Я хочу
Ломать вам сердце; я его сломаю,
Когда оно доступно проницанью,
Когда оно проклятою привычкой
Насквозь не закалилось против чувств.

Королева

Но что я сделала, что твой язык
Столь шумен предо мной?

Гамлет

Такое дело,
Которое пятнает лик стыда,

Зовет невинность лгуньей, на челе
Святой любви сменяет розу язвой,
Преображает брачные обеты
В посулы игрока; такое дело,
Которое из плоти договоров
Изъемлет душу, веру превращает
В смешенье слов; лицо небес горит;
И эта крепь и плотная громада
С унылым взором, как перед судом,
Скорбит о нем.

К о р о л е в а

Какое ж это дело,
Чье предваренье так гремит и стонет?

Г а м л е т

Взгляните, вот портрет и вот другой,
Искусные подобию двух братьев.
Как несравненна прелесть этих черт;
Чело Зевеса, кудри Аполлона,
Взор, как у Марса, — властная гроза;
Осанкою — то сам гонец Меркурий
На небом лобызаемой скале;
Поистине такое сочетанье,
Где каждый бог вдавил свою печать,
Чтоб дать Вселенной образ человека.
То был ваш муж. Теперь смотрите дальше.
Вот ваш супруг, как ржавый колос, насмерть
Сразивший брата. Есть у вас глаза?
С такой горы пойти в таком болоте
Искать свой корм! О, есть у вас глаза?
То не любовь, затем что в ваши годы
Разгул в крови утих — он присмирел
И связан разумом; а что за разум
Сравнит то с этим? Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?
Глаза без ошупи, слепая ошупь,

Слух без очей и рук, нюх без всего,
Любого чувства хилая частица
Так не сглусят.
О стыд! Где твой румянец? Ад мятежный,
Раз ты бесчинствуешь в костях матроны,
Пусть пламенная юность чистоту,
Как воск, растопит; не зови стыдом,
Когда могучий пыл идет на приступ,
Раз сам мороз пылает и рассудок
Случает волю.

Королева

О, довольно, Гамлет:
Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести!

Гамлет

Нет, жить
В гнилом поту засаленной постели,
Варясь в разврате...

Королева

О, молчи, довольно!
Ты уши мне кинжалами пронзаешь.
О, пощади!

Гамлет

Убийца и холоп;
Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;
Вор, своровавший власть и государство,
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

Королева

Довольно!

Гамлет

Король из пестрых тряпок...*

Входит Призрак.

Спаси меня и осени крылами,
О воинство небес! — Чего ты хочешь,
Блаженный образ?

К о р о л е в а

Горе, он безумен!

Г а м л е т

Иль то упрек медлительному сыну
За то, что, упуская страсть и время,
Он не свершает страшный твой приказ?
Скажи!

П р и з р а к

Не забывай. Я посетил тебя,
Чтоб заострить притупленную волю.
Но видишь, страх сошел на мать твою.
О, стань меж ней и дум ее бореньем;
Воображенья мощно в тех, кто слаб;
Заговори с ней, Гамлет.

Г а м л е т

Что с вами, госпожа?

К о р о л е в а

Ах, что с тобой,
Что ты глаза вперяешь в пустоту
И бестелесный воздух вопрошаешь?
Из глаз твоих твой дух взирает дико,
И, словно полк, разбуженный тревогой,
Твои как бы живые волоса
Поднялись и стоят. О милый сын,
Пыл и огонь волненья окропи
Спокойствием холодным. Что ты видишь?

Г а м л е т

Его, его! Смотрите, как он бледен!
Его судьба и вид, воззвав к камням,
Растрогали бы их. — О, не смотри*;
Твой скорбный облик отвратит меня
От грозных дел; то, что свершить я должен,
Свой цвет утратит: слезы вместо крови!

Королева

С кем ты беседуешь?

Гамлет

Вы ничего

Не видите?

Королева

Нет, то, что есть, я вижу.

Гамлет

И ничего не слышали?

Королева

Нас только.

Гамлет

Да посмотрите же! Вот он уходит!
Отец, в таком же виде, как при жизни!
Смотрите, вот, он перешел порог!

Призрак уходит.

Королева

То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленья
Весьма искусно.

Гамлет

«Умоисступленья»?

Мой пульс, как ваш, размеренно звучит
Такой же здоровой музыкой. Не бред
То, что сказал я; испытайте тут же,
И я вам все дословно повторю,—
А бред отпрянул бы. Мать, умоляю,
Не умащайте душу льстивой мазью,
Что это бред мой, а не ваш позор;
Она больное место лишь затянет,
Меж тем как порча все внутри разъест
Незримо. Исповедайтесь пред небом,
Покайтесь в прошлом, стерегитесь впредь
И плевелы не удобряйте туком.

Простите мне такую добродетель;
Ведь добродетель в этот жирный век
Должна просить прощенья у порока,
Молить согбенно, чтоб ему помочь.

К о р о л е в а

О милый Гамлет, ты рассек мне сердце!

Г а м л е т

Отбросьте же дурную половину
И с лучшею живите в чистоте.
Покойной ночи; но не спите с дядей.
Раз нет ее, займите добродетель.
Привычка — это чудище, что гложет
Все чувства, этот дьявол — все же ангел
Тем, что свершенье благородных дел
Он точно так же наряжает в платье
Вполне к лицу. Сегодня воздержитесь,
И это вам невольно облегчит
Дальнейшую воздержанность; дальше — легче;
Обычай может смыть чекан природы
И дьявола смирить иль прочь извергнуть
С чудесной силой. Итак, покойной ночи,
Когда возжаждете благословенья,
Я к вам за ним приду*.— Что до него,

(указывая на Полония)

То я скорблю; но небеса велели,
Им покарав меня и мной его,
Чтобы я стал бичом их и слугою.
О нем я позабочусь и отвечу
За смерть его.— Итак, покойной ночи.
Из жалости я должен быть жесток.
Плох первый шаг, но худший недалек.
Еще два слова.

К о р о л е в а

Что должна я делать?

Г а м л е т

Отнюдь не то, что я сейчас сказал:
Пусть вас король к себе в постель заманит;
Щипнет за щечку; мышкой назовет;

А вы за грязный поцелуй, за ласку
Проклятых пальцев, глядящих вам шею,
Ему распутайте все это дело,—
Что вовсе не безумен я, а просто
Хитер безумно. Пусть он это знает.
Ведь как прекрасной, мудрой королеве
Скрыть от кота, нетопыря, от жабы
Такую тайну? Кто бы это мог?
Нет, вопреки рассудку и доверью,
Взберитесь с клеткою на крышу, птии
Лететь пустите и, как та мартышка,
Для опыта залезьте в клетку сами
Да и сломайте шею.

К о р о л е в а

О, если речь — дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь,— поверь, во мне нет жизни,
Чтобы слова такие продышать.

Г а м л е т

Я еду в Англию; вам говорили?

К о р о л е в а

Я и забыла! Это решено.

Г а м л е т

Готовят письма; два моих собрата,
Которым я, как двум гадюкам, верю,
Везут приказ; они должны расчистить
Дорогу к западне. Ну что ж, пускай.
В том и забава, чтобы землекопа
Взорвать его же миной; плохо будет,
Коль я не ввоюсь глубже их аршином,
Чтоб их пустить к луне. Есть прелесть в том,
Когда две хитрости столкнутся лбом!
Вот кто теперь ускорит наши сборы*;
Я оттащу подальше потроха.—
Мать, доброй ночи. Да, вельможа этот
Теперь спокоен, важен, молчалив,
А был болтливый плут, пока был жив.—
Ну, сударь мой, чтоб развязаться с вами...—
Покойной ночи, мать.

Уходят врозь, Г а м л е т — волоча П о л о н и я.

А К Т IV

СЦЕНА I

Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

У этих тяжких вздохов есть причина;
Откройтесь нам; мы их должны понять.
Где сын ваш?

Королева

Оставьте нас на несколько минут.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Ах, государь, что видела я ночью!

Король

Скажите все. Что с Гамлетом?

Королева

Безумен,

Как море и гроза, когда они
О силе спорят. В буйном исступленьи,
Заслышав за ковром какой-то шорох,
Хватает меч и с криком: «Крыса, крыса!» —
В своем бреду, не видя, убивает
Беднягу старика.

Король

О, злое дело!

Так было бы и с нами, будь мы там.
Его свобода пагубна для всех —
Для вас самих, для нас и для любого.
Кто будет отвечать за грех кровавый?
Его на нас возложат, чья забота
Была стеречь, взять в руки, удалить
Безумного; а мы из-за любви
Не видели того, что надлежало,
И, словно обладатель мерзкой язвы,

Боящийся огласки, дали ей
До мозга вѣстаться в жизнь. Где он сейчас?

К о р о л е в а

Он потащил убитого; над ним,
Как золото среди плохой руды,
Его безумье проявилось чистым.
Он плачется о том, что совершил.

К о р о л ь

Идем, Гертруда!
Едва коснется солнце горных высей,
Он отплывет; а этот тяжкий случай
Нам надобно умело и достойно
Представить и смягчить.— Эй, Гильденстерн!

Розенкранц и Гильденстерн возвращаются.

Друзья мои, сходите за подмогой;
В безумье Гамлет умертвил Полония
И выволок из комнат королевы.
Поладьте с ним, а тело отнесите
В часовню. И прошу вас, поскорее.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Идем, Гертруда, созовем друзей.
Расскажем им и то, что мы решили,
И что случилось; так, быть может, сплетня,
Чей шепот неуклонно мчит сквозь мир,
Как пушка в цель, свой ядовитый выстрел,
Минует наше имя и проонзит
Неуязвимый воздух. О, иди!
Страх и смятенье у меня в груди.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната в замке.
Входит Гамлет.

Г а м л е т

Надежно спрятан.

Розенкранц и Гильденстерн
(за сценой)

Принц Гамлет! Гамлет!

Г а м л е т

Тсс! Что за шум? Кто Гамлета зовет?
А, вот они.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Р о з е н к р а н ц

Принц, что вы учинили с мертвым телом?

Г а м л е т

Смешал с землей — она ему сродни.

Р о з е н к р а н ц

Скажите, где оно, чтоб мы могли
Снести его в часовню.

Г а м л е т

Вы этому не верьте.

Р о з е н к р а н ц

Не верить чему?

Г а м л е т

Тому, что вашу тайну я хранить умею, а свою нет.
К тому же на вопросы губки какой ответ может дать королевский сын?

Р о з е н к р а н ц

Вы принимаете меня за губку, мой принц?

Г а м л е т

Да, сударь; которая впитывает благоволение короля, его щедроты, его пожалования. Но такие царедворцы служат королю лучше всего напоследок; он держит их, как обезьяна орехи, за щекой: раньше всех берет в рот, чтобы позже всех проглотить. Когда ему понадобится то, что вы скопили, ему стоит только нажать на вас, — и, губка, вы снова сухи.

Розенкранц

Я вас не понимаю, мой принц.

Гамлет

Я этому рад; хитрая речь спит в глупом ухе.

Розенкранц

Мой принц, вы должны нам сказать, где тело, и пойти с нами к королю.

Гамлет

Тело у короля, но король без тела. Король есть вещь...

Гильденстерн

«Вещь», мой принц?

Гамлет

Невещественная. Ведите меня к нему. Беги, лиса, и все за ней*.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая комната в замке.

Входит король с приближенными.

Король

За принцем послано, и тело ищут.
Как пагубно, что он на воле ходит!
Однако же быть строгим с ним нельзя:
К нему пристрастна буйная толпа,
Судящая не смыслом, а глазами;
Она лишь казнь виновного приметит,
А не вину. Чтоб гладко все сошло,
Должно казаться, что его отъезд
Решен давно; отчаянный недуг
Врачуют лишь отчаянные средства
Иль никакие.

Входит Розенкранц.

Что там? Что случилось?

Р о з е н к р а н ц

Куда он спрятал тело, государь,
Узнать мы не могли.

К о р о л ь

А где он сам?

Р о з е н к р а н ц

Здесь рядом; под присмотром, в ожиданье
Велений ваших.

К о р о л ь

Пусть его введут.

Р о з е н к р а н ц

Эй, Гильденстерн! Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн.

К о р о л ь

Ну что же, Гамлет, где Полоний?

Г а м л е т

За ужином.

К о р о л ь

За ужином? Где?

Г а м л е т

Не там, где он ест, а там, где его едят; у него как раз собрался некий сейм политических червей. Червь — истинный император по части пищи. Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей. И жирный король и сухопарый нищий — это только разве смены, два блюда, но к одному столу; конец таков.

К о р о л ь

Увы, увы!

Г а м л е т

Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля, и поесть рыбы, которая питалась этим червем.

К о р о л ь

Что ты хочешь этим сказать?

Г а м л е т

Я хочу вам только показать, как король может совершить путешествие по кишкам нищего.

К о р о л ь

Где Полоний?

Г а м л е т

На небесах. Пошлите туда посмотреть; если ваш посланный его там не найдет, тогда поищите его в другом месте сами. А только если вы в течение месяца его не сыщете, то вы его почувствуете, когда пойдете по лестнице на галерею.

К о р о л ь

(нескольким слугам)

Пойдите поищите его там.

Г а м л е т

Он вас подождет.

С л у г и у х о д я т .

К о р о л ь

Во имя твоего же, Гамлет, блага,
Которым дорожим мы, как скорбим
О том, что ты свершил, ты должен скрыться
Быстрее огня. Так соберись в дорогу.
Корабль готов, благоприятен ветер,
Ждут спутники, и Англия вас ждет.

Г а м л е т

Ждет Англия?

К о р о л ь

Да, Гамлет.

Г а м л е т

Хорошо.

К о р о л ь

Да, так и есть, коль ведать наши мысли.

Г а м л е т

Я вижу херувима, который видит их.— Но едем! В Англию! — Прощайте, дорогая мать.

К о р о л ь

Твой любящий отец, Гамлет.

Г а м л е т

Моя мать; отец и мать — муж и жена, муж и жена — единая плоть, и поэтому — моя мать.— Едем! В Англию!

(Уходит.)

К о р о л ь

За ним ступайте; торопите в путь.
Хочу, чтоб он отплыл еще до ночи.
Все запечатано, и все готово,
Что следует. Прошу вас, поскорей.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Когда мою любовь ты чтешь, Британец,—
А мощь моя ей цену придает,
Затем что свеж и ал еще рубец
От датского меча и вольный страх твой
Нам платит дань,— ты не воспримешь хладно
Наш царственный приказ, тот, что содержит,
Как это возвещается в письме,
Смерть Гамлета. Британец, сделай это.
Как огневица, он мне гложет кровь.
Будь мне врачом; пока не свершено,
Мне радости не ведать все равно.

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и солдаты на походе.

Ф о р т и н б р а с

Снесите мой привет владыке датчан;
Напомните ему, что Фортинбрас
Обещанного просит разрешенья
Пройти его землю. Встреча там же.
И, ежели мы королю нужны,
Свой долг пред ним исполнить мы готовы.
Ему скажите это.

К а п и т а н

Да, мой принц.

Ф о р т и н б р а с

Вперед не торопясь.

Фортинбрас и солдаты уходят.

Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

Г а м л е т

Скажите, сударь мой, чье это войско?

К а п и т а н

Норвежца, сударь.

Г а м л е т

Куда оно идет, спросить дозволейте?

К а п и т а н

Оно идет на Польшу.

Г а м л е т

А кто их предводитель?

К а п и т а н

Фортинбрас,

Племянник старого Норвежца.

Г а м л е т

На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?

К а п и т а н

Сказать по правде и без добавлений,
Нам хочется забрать клочок земли,

Который только и богат названьем.
За пять дукатов я его не взял бы
В аренду. И Поляк или Норвежец
На нем навряд ли больше наживут.

Г а м л е т

Так за него Поляк не станет драться.

К а п и т а н

Там ждут войска.

Г а м л е т

Две тысячи людей
И двадцать тысяч золотых не могут
Уладить спор об этом пустяке!
Вот он, гнойник довольства и покоя:
Прорвавшись внутрь, он не дает понять,
Откуда смерть.— Благодарю вас, сударь.

К а п и т а н

Благослови вас бог.

(Уходит.)

Р о з е н к р а н ц

Идемте, принц?

Г а м л е т

Я догоню вас. Вы пока идите.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Как всё кругом меня изобличает
И вялую мою торопит месть!
Что человек, когда он занят только
Сном и едой! Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед и вспять, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он. То ли это
Забвенье скотское иль жалкий навык
Раздумывать чрезмерно об исходе,—
Мысль, где на долю мудрости всегда
Три доли трусости,— я сам не знаю,

Зачем живу, твердя: «Так надо сделать»,
Раз есть причина, воля, мощь и средства,
Чтоб это сделать. Вся земля пример;
Вот это войско, тяжкая громада,
Ведомая изящным, нежным принцем,
Чей дух, объятый дивным честолюбьем,
Смеется над невидимым исходом,
Обрекши то, что смертно и неверно,
Всему, что могут счастье, смерть, опасность,
Так, за скорлупку. Истинно велик,
Кто не встревожен малою причиной,
Но вступит в ярый спор из-за былинки,
Когда задета честь. Так как же я,
Я, чей отец убит, чья мать в позоре,
Чей разум и чья кровь возмущены,
Стою и сплю, взирая со стыдом,
Как смерть вот-вот поглотит двадцать тысяч,
Что ради прихоти и вздорной славы
Идут в могилу, как в постель, сражаться
За место, где не развернуться всем,
Где даже негде схоронить убитых?
О мысль моя, отныне ты должна
Кровавой быть, иль прах тебе цена!

(Уходит.)

СЦЕНА 5

Эльсинор. Комната в замке.

Входят королева, Горацио и первый дворянин.

Королева

Я не хочу с ней говорить.

Первый дворянин

Она упорствует, совсем безумна;
Ее невольно жаль.

Королева

Чего ей надо?

Первый дворянин

Все об отце она твердит, о том,
Что мир лукав; вздыхает, грудь колотит
И сердится легко. В ее речах —
Лишь полусмысл, ее слова — ничто,
Но слушателей их бессвязный строй
Склоняет к размышленью. Их толкуют
И к собственным прилаживают мыслям;
А по ее кивкам и странным знакам
Иной и впрямь решит, что в этом скрыт
Хоть и неясный, но зловещий разум.

Горацио

С ней лучше бы поговорить: она
В злокозненных умах посеять может
Опасные сомненья.

Королева

Пусть приходит.

Первый дворянин уходит.

(В сторону.)

Моей больной душе, где грех живет,
Все кажется предвестьем злых невзгод.
Всего страшится тайная вина
И этим страхом изобличена.

Возвращается первый дворянин с Офелией.

Офелия

Где светлая властительница Дании?

Королева

Ну что, Офелия?

Офелия

(поет)

Как узнать, кто милый ваш?

Он идет с жезлом,
Перловица на тулье*,
Поршни с ремешком.

Королева

Ах, милая, что значит эта песнь?

Офелия

Что? Нет, вы слушайте, прошу вас.

(Поет.)

Ах, он умер, госпожа,
Он — холодный прах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах.

Королева

Милая...

Офелия

Нет, слушайте, прошу вас.

(Поет.)

Саван бел, как горный снег...

Входит король.

Королева

Увы, взгляните, государь!

Офелия

(поет)

...Цветик над могилой;
Он в нее сошел навек,
Не оплакан милой.

Король

Как поживаете, мое дитя?

Офелия

Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник*.
Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем
стать. Благослови бог вашу трапезу!

Король

Мысль об отце.

О ф е л и я

Пожалуйста, не будем говорить об этом. Но, если вас спросят, что это значит, вы скажите.

(Поет.)

Заутра Валентинов день*,
И с утренним лучом
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном.
Он встал на зов, был вмиг готов,
Затворы с двери снял;
Впускал к себе он деву в дом,
Не деву отпускал.

К о р о л ь

О милая Офелия!

О ф е л и я

Да, без всяких клятв, я сейчас кончу.

(Поет.)

Клянусь Христом, святым крестом.
Позор и срам, беда!
У всех мужчин конец один;
Иль нет у них стыда?
Ведь ты меня, пока не смял,
Хотел женой назвать!

Он отвечает:

И было б так, срази нас враг,
Не ляг ты ко мне в кровать.

К о р о л ь

Давно ль она такая?

О ф е л и я

Я надеюсь, что все будет хорошо. Надо быть терпеливыми; но я не могу не плакать, когда подумаю, что они положили его в холодную землю. Мой брат об этом узнает; и я вас благодарю за добрый совет.— Подайте мою карету! — Покойной ночи, сударыня. Покойной ночи, дорогие сударыни. Покойной ночи, покойной ночи. (Уходит.)

К о р о л ь

Прошу тебя, следи за ней позорче.

Г о р а ц и о уходит.

Вот яд глубокой скорби; смерть отца —
Его источник.— Ах, Гертруда, беды,
Когда идут, идут не в одиночку,
А толпами. Ее отец убит;
Ваш сын далек, неистовый виновник
Своей же ссылки; всполошен народ,
Гнилой и мутный в шепотах и в мыслях,
Полониевой смертью; было глупо
Похоронить его тайком; Офелия
Разлучена с собой и с мыслью светлой,
Без коей мы — лишь звери иль картины;
И, наконец, хоть стоит остального,—
Лаэрт из Франции вернулся тайно,
Живет сомненьем, кутается в тучи,
А шептуны ему смущают слух
Тлетворною молвой про смерть отца;
И, так как нет предмета, подозренье
Начнет на нас же возлагать вину
Из уст в уста. О милая Гертруда,
Все это, как картечь, мне шлет с избытком
Смерть отовсюду.

Шум за сценой.

К о р о л е в а

Боже, что за шум?

К о р о л ь

Швейцарцы где? Пусть охраняют дверь.

Входит второй дворянин.

Что это там?

В т о р о й д в о р я н и н

Спасайтесь, государы!

Сам океан, границы перехлынув,
Так яростно не пожирает землю,

Как молодой Лаэрт с толпой мятежной
Сметает стражу. Чернь идет за ним;
И, словно мир впервые начался,
Забыта древность и обычай презрен —
Опора и скрепленье всех речей,—
Они кричат: «Лаэрт король! Он избран!»
Взлетают шапки, руки, языки:
«Лаэрт, будь королем, Лаэрт — король!»

К о р о л е в а

Визжат и рады, сбившись со следа!
Назад, дрянные датские собаки!

Шум за сценой.

К о р о л ь

Взломали дверь.

Входит Лаэрт, вооруженный; за ним — датчане.

Л а э р т

Где их король? — Вы, господа, уйдите.

Д а т ч а н е

Нет, допустите нас.

Л а э р т

Прошу, оставьте.

Д а т ч а н е

Ну хорошо.

(Удаляются за дверь.)

Л а э р т

Спасибо. Дверь стеречь.—
Ты, мерзостный король, верни отца мне!

К о р о л е в а

Спокойно, друг.

Л а э р т

Когда хоть капля крови
Во мне спокойна, пусть зовусь убудком;

Пусть мой отец почтется рогачом
И мать моя здесь, на челе безгрешном,
Несет клеймо блудницы.

К о р о л ь

Что причиной,
Лаэрт, что ты мятежен, как гигант? —
Оставь, Гертруда. Нет, за нас не бойся;
Такой святыней огражден король,
Что, увидав свой умысел, крамола
Бессильна действовать. — Скажи, Лаэрт,
Чем распален ты так? — Оставь, Гертруда. —
Ответь мне.

Л а э р т

Где мой отец?

К о р о л ь

Он умер.

К о р о л е в а

Но король

Здесь ни при чем.

К о р о л ь

Пусть обо всем расспросит.

Л а э р т

Как умер он? Я плутен не стерплю.
В геенну верность! Клятвы к черным бесам!
Боязнь и благочестье в бездну бездн!
Мне гибель не страшна. Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь что будет, лишь бы за отца
Отмстить как должно.

К о р о л ь

Кто тебя удержит?

Л а э р т

Моя лишь воля; целый мир не сможет,
А что до средств, то ими я управлюсь
И с малым далеко зайду.

К о р о л ь

Лаэрт,

Ты хочешь знать всю правду про отца.
Но разве же твое отмщенье в том,
Чтоб, как игрок, сгрести врага и друга,
Тех, чей барыш, и тех, кто проиграл?

Л а э р т

Нет, лишь его врагов.

К о р о л ь

Ты хочешь знать их?

Л а э р т

Его друзей я заключу в объятия;
И, жизнью жертвуя, как пеликан,
Отдам им кровь свою*.

К о р о л ь

Ты говоришь,

Как верный сын и благородный рыцарь.
Что я вполне невинен в этой смерти
И опечален ею глубоко,
То в разум твой проникнет так же прямо,
Как свет в твои глаза.

Д а т ч а н е

(за сценой)

Впустить ее!

Л а э р т

Что там за шум?

О ф е л и я возвращается.

Зной, иссуши мне мозг!

Соль семикратно жгучих слез, спали
Живую силу глаз моих! — Клянусь,
Твое безумье взвесится сполна,
Пока не дрогнет чаша*. Роза мая!
Дитя, сестра, Офелия моя! —
О небеса, ужель девичий разум

Такой же тлен, как старческая жизнь?
В своей любви утонченна природа —
И вот она шлет драгоценный дар
Вослед тому, что любит.

О ф е л и я

(поет)

Он лежал в гробу с открытым лицом;
Веселей, веселей, веселее;
И пролито много слез по нем.
Прощай, мой голубь!

Л а э р т

Будь ты в рассудке и зови к отмщенью,
Ты тронула бы меньше.

О ф е л и я

Надо петь: «Да, да, да!»
Так поется всегда.

Ах, как прялка к этому идет! Это лживый дворецкий,
который похитил дочь у своего хозяина.

Л а э р т

Бред полноценней смысла.

О ф е л и я

Вот розмарин, это для воспоминания. Прошу вас, милый,
помните. А вот троицын цвет, это для дум.

Л а э р т

Поучительность в безумии: думы в лад воспоминанию.

О ф е л и я

Вот укроп для вас и голубки, вот рута для вас; и для меня
тоже; ее зовут травой благодати, воскресной травой. О, вы
должны носить вашу руту с отличием! Вот маргаритка! Я бы
вам дала фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец.
Говорят, он умер хорошо.

(Поет.)

Веселый мой Робин мне всех милей.

Лаэрт

Скорбь и печаль, страданье, самый ад
Она в красу и прелесть превращает!

Офелия

(поет)

И он не вернется к нам?
И он не вернется к нам?
Нет, его уж нет,
Он покинул свет,
Вовек не вернется к нам.
Его борода — как снег,
Его голова — как лен,
Он уснул в гробу,
Полно клясть судьбу.

В раю да воскреснет он!

И все христианские души, я молю бога.— Да будет с
вами бог! (Уходит.)

Лаэрт

Вы видите? О боже мой!

Король

Лаэрт,

Дай мне поговорить с твоей печалью,
Я это вправе требовать. Пойдем,
Сбери мудрейших из твоих друзей,
И пусть они рассудят нас с тобою.
Когда они сочтут, что мы иль прямо,
Иль косвенно задеты, мы уступим
Венец, державу, жизнь и все, что наше,
Тебе во искупленье. Если ж нет,
То согласись нас одолжить терпеньем,
И мы найдем с твоей душой совместно,
Чем утолить ее.

Лаэрт

Пусть будет так,
Его кончина, тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда,

Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд.

К о р о л ь

Так, он покончит спор,
И, где вина, там упадет топор.
Прошу, идем со мной.

Уходят.

СЦЕНА 6

Другая комната в замке.
Входят Горацио и слуга.

Г о р а ц и о

Кто это хочет говорить со мной?

С л у г а

Какие-то матросы: и у них
Есть к вам письмо.

Г о р а ц и о

Пускай они войдут.

С л у г а уходит.

Не знаю, кто бы мог на целом свете
Прислать мне вдруг привет, как не принц Гамлет.

Входят моряки.

П е р в ы й м о р я к

Благослови вас бог, сударь.

Г о р а ц и о

Пусть и тебя благословит.

П е р в ы й м о р я к

Он и благословит, сударь, коли ему угодно будет. Тут вам письмо, сударь,— оно от посла, который отправлялся в Англию,— если только вас зовут Горацио, как мне сказали.

Г о р а ц и о

(читает)

«Горацио, когда ты это прочтешь, устрой этим людям доступ к королю: у них есть письма к нему. Мы и двух дней не пробыли в море, как за нами погнался весьма воинственно снаряженный пират. Видя, что у нас слишком малый ход, мы поневоле облеклись храбростью, и во время схватки я перескочил к ним; в тот же миг они отвалили от нашего судна; таким образом, я один очутился у них в плену. Они обошлись со мною, как милосердые разбойники. Но они знали, что делают: я должен сослужить им службу. По-заботься, чтобы король получил письма, которые я послал, и отправляйся ко мне с такой же поспешностью, как если бы ты бежал от смерти. Мне надо сказать тебе на ухо слова, от которых ты онемеешь; и все же они слишком легковесны для дела такого калибра. Эти добрые люди доставят тебя туда, где я сейчас. Розенкранц и Гильденстерн держат путь в Англию; про них я тебе многое должен рассказать. Будь здоров. Тот, о ком ты знаешь, что он твой, Гамлет».

Идем, вы отдадите ваши письма;
Да поспешите, чтоб меня свезти
К тому, кто вам их дал.

Уходят.

СЦЕНА 7

Другая комната в замке.
Входят король и Лаэрт.

К о р о л ь

Теперь, мое скрепляя оправданье,
Ты должен в сердце взять меня как друга,
Затем что сам разумным ухом слышал,
Как тот, кем умерщвлен был твой отец,
Грозил и мне.

Л а э р т

Нет спора. Но скажите,
Зачем вы не преследовали этих
Столь беззаконных и преступных действий,

Как требуют того благоразумье
И безопасность?

К о р о л ь

О, по двум причинам,
По-твоему, быть может, очень слабым,
Но мощным для меня. Мать, королева,
Живет его лишь взором; я же сам —
Заслуга ль то иль бедствие, не знаю —
Так связан с нею жизнью и душой,
Что, как звезда в своем лишь ходит круге,
Я с ней во всем. Другое основанье
Не прибегать к открытому разбору —
Любовь к нему простой толпы; она,
Его вину топя в своем пристрастье,
Как тот родник, где ветви каменеют,
Его оковы обратит в узор*;
И, слишком легкие в столь шумном ветре,
Вернутся к луку пущенные стрелы,
Не долетев туда, куда я метил.

Л а э р т

Итак, погиб отец мой благородный,
В мрак безнадежный ввержена сестра,
Чьи совершенства — если может вспять
Идти хвала — бросали вызов веку
С высот своих. Но месть моя придет.

К о р о л ь

Спи без тревог; мы не настолько тупы,
Чтобы, когда опасность нас хватает
За бороду, считать, что это вздор.
Ждать новостей недолго. Твой отец
Был дорог мне; себе же всякий дорог;
И, я надеюсь, ты рассудишь сам...

Входит гонец с письмами.

В чем дело?

Г о н е ц

Письма, государь, от принца;
Одно для вас, другое — королеве.

К о р о л ь

От принца? Кто принес их?

Г о н е ц

Моряки

Как будто, государь; я сам не видел,
Мне дал их Клавдио; он получил их
От тех, кто их принес.

К о р о л ь

Лаэрт, ты слушай.—

(Гонцу.)

Оставь нас.

Г о н е ц уходит.

(Читает.) «Высокодержавный! Да будет вам известно, что я высажен нагим в вашем королевстве. Завтра я буду ходатайствовать о дозволении увидеть ваши королевские очи, и тогда, предварительно испросив на то ваше согласие, я изложу обстоятельства моего внезапного и еще более странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Или все вернулись?
Иль здесь обман и это все не так?

Л а э р т

Вы узнаете руку?

К о р о л ь

То почерк принца Гамлета. «Нагим»!
А здесь, в приписке, сказано: «один»!
Ты можешь объяснить?

Л а э р т

Я сам теряюсь. Но пускай придет;
Мне согревает горестную душу,
Что я могу сказать ему в лицо:
«То сделал ты».

К о р о л ь

Раз это так, Лаэрт
(Хоть как же так? А впрочем, что ж другого?),
Дай мне вести тебя.

Л а э р т

Да, государь,
Но только если ваша цель — не мир.

К о р о л ь

Мир для тебя. Раз он теперь вернулся,
Прервав свой путь, и продолжать его
Не хочет больше, я его толкну
На подвиг, в мыслях у меня созревший,
В котором он наверное падет,
И смерть его не шелохнет упрека;
Здесь даже мать не умысел увидит,
А просто случай.

Л а э р т

Государь, я с вами;
Особенно когда бы вы избрали
Меня своим орудьем.

К о р о л ь

Так и будет.
Тебя заочно здесь превозносили
При Гамлете за качество, которым
Ты будто блещешь; все твои дары
В нем зависти такой не пробудили,
Как этот дар, по-моему, не первый
По важности.

Л а э р т

Какой же это дар?

К о р о л ь

На шляпе юности он только лента,
Хоть нужная; ведь юности к лицу
Беспечная и легкая одежда,
Как зрелым летам — сукна и меха

С их строгой величавостью. Здесь был
Тому два месяца один нормандец;
Я видел сам и воевал французов;
Им конь — ничто; но этот молодец
Был прямо чародей; к седлу припаян,
Он чудеса с конем творил такие,
Как будто сам наполовину сросся
С прекрасным зверем. Все, что мог я в мыслях
Вообразить по части ловкой прыти,
Он превзошел.

Лаэрт

И это был нормандец?

Король

Нормандец.

Лаэрт

Ручаюсь головой, Ламонд.

Король

Он самый.

Лаэрт

Я с ним знаком; то в самом деле перл
И украшение всего народа.

Король

Он о тебе признался*
И дал такой блистательный отчет
В твоём искусстве мастерской защиты,
Особенно рапирой, что воскликнул;
То было бы невиданное дело —
С тобой сравняться в силе; их бойцы
Теряют, мол, глаз, и отпор, и натиск,
Когда ты бьешься с ними. Этот отзыв
Такою зависть в Гамлете разлил,
Что он лишь одного просил и жаждал:
Чтоб ты вернулся и сразился с ним.
Отсюда...

Лаэрт

Что отсюда, государь?

К о р о л ь

Лаэрт, тебе был дорог твой отец?
Иль, может, ты, как живопись печали,
Лик без души?

Л а э р т

К чему такой вопрос?

К о р о л ь

Не стану спорить: ты любил отца;
Но, знаю сам, любовью правит время,
И вижу на свидетельстве примеров,
Как временем огонь ее притушен.
Таится в самом пламени любви
Как бы нагар, которым он глушится;
Равно благим ничто не пребывает,
И благодать, дорастя до полноты,
От избытка гибнет; делать надо,
Пока есть воля; потому что воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук,
И «надо» может стать как трудный вздох,
Целящий с болью. Но коснемся язвы:
Принц возвратился; чем же ты докажешь,
Что ты и впрямь сын твоего отца?

Л а э р т

Ему я в церкви перережу горло.

К о р о л ь

Да, для убийства нет святой защиты*,
И месть преград не знает. Но, Лаэрт,
Чтоб так случилось, оставайся дома.
Принц, возвратясь, узнает, что ты здесь,
Мы примемся хвалить твое искусство
И славу, данную тебе французом,
Покроем новым лоском. Мы сведем вас
И выставим заклады; он, беспечный,
Великодушный, чуждый всяким козням,
Смотреть не станет шпаг, и ты легко
Иль с небольшой уловкой можешь выбрать
Наточенный клинок и, метко выпав,
Ему отплатишь за отца.

Лаэрт

Согласен;

И я при этом смажу мой клинок.
У знахаря купил я как-то мазь,
Столь смертную, что если нож смочить в ней
И кровь пустить, то нет такой припарки
Из самых редких трав во всей подлунной,
Чтобы спасти того, кто оцарапан.
Я этим ядом трону лезвёе,
И если я хоть чуть задену принца,
То это смерть.

Король

— Все это надо взвесить:

Когда и как мы действовать должны.
Коль так не выйдет и затея наша
Проглянет сквозь неловкую игру,
Нельзя и начинать. Наш замысел надо
Скрепить другим, который устоял бы,
Коли взорвется этот.— Дай подумать!..
За вас мы будем биться об заклад...

Нашел:

Когда в движенье вы разгорячитесь —
Для этого ты выпадай смелей —
И он попросит пить, то будет кубок
Готов заранее; чуть он пригубит,
Хотя б он избежал отравной раны,—
Все будет кончено... Стой, что за шум?

Входит королева.

А, королева!

Королева

Идет за горем горе по пятам,
Спеша на смену. Утонула ваша
Сестра, Лаэрт.

Лаэрт

Как! Утонула? Где?

Королева

Есть ива над потоком, что склоняет
Седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи,—
У вольных пастухов грубей их кличка,
Для скромных дев они — персты умерших;
Она старалась по ветвям развесить
Свои венки; коварный сук сломался,
И травы и она сама упали
В рыдающий поток. Ее одежды,
Раскинувшись, несли ее, как нимфу;
Она меж тем обрывки песен пела,
Как если бы не чужала беды
Или была созданием, рожденным
В стихии вод; так длиться не могло,
И одеянья, тяжело упившись,
Несчастную от звуков увлекли
В трясину смерти.

Лаэрт

Значит, утонула!

Королева

Да, утонула, утонула.

Лаэрт

Офелия, тебе довольно влаги,
И слезы я сдержу; однако все же
Мы таковы; природа чтит обычай
Назло стыду; излив печаль, я стану
Опять мужчиной.— Государь, прощайте.
Я полон жгучих слов, но плач мой глупый
Их погасил.

(Уходит.)

Король

Идем за ним, Гертруда.
С каким трудом я укротил в нем ярость!
Теперь, боюсь, она возникнет вновь.
Идем за ним.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА I

Кладбище.

Входят два могильщика с заступами и прочим.

Первый могильщик

Разве такую можно погребать христианским погребением, которая самочинно ищет своего же спасения?

Второй могильщик

Я тебе говорю, что можно, и потому копай ей могилу живее. Следовательно рассматривал и признал христианское погребение.

Первый могильщик

Как же это может быть, если она утопилась не в самозащите?

Второй могильщик

Да так уж признали.

Первый могильщик

Требуется необходимое нападение, иначе нельзя. Ибо в этом вся суть: ежели я топлюсь умышленно, то это доказывает действие, а всякое действие имеет три статьи: действие, поступок и совершение; отсюда эрго*: она утопилась умышленно.

Второй могильщик

Нет, ты послушай, господин копатель...

Первый могильщик

Погоди. Вот здесь тебе вода. Хорошо. Вот здесь тебе человек. Хорошо. Ежели человек идет к этой воде и топится, то хочет не хочет, а он идет; заметь себе это. Но ежели вода идет к нему и топит его, то он не топится. Отсюда эрго: кто неповинен в своей смерти, тот своей жизни не сокращает.

Второй могильщик

И это такой закон?

Первый могильщик

Вот именно; уголовный закон.

Второй могильщик

Хочешь знать правду? Не будь она знатная дама, ее бы не хоронили христианским погребением.

Первый могильщик

То-то оно и есть. И очень жаль, что знатные люди имеют на этом свете больше власти топиться и вешаться, чем их братья христиане.— Ну-ка, мой заступ. Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама*.

Второй могильщик

А он был дворянин?

Первый могильщик

Он первый из всех ходил вооруженный.

Второй могильщик

Да у него не было оружия.

Первый могильщик

Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь писание? В писании сказано: «Адам копал». Как бы он копал, ничем для этого не вооружась? Я тебе еще вопрос задам; если ты ответишь невпопад, то покайся...*

Второй могильщик

Ну, валяй.

Первый могильщик

Кто строит прочнее каменщика, судостроителя и плотника?

Второй могильщик

Виселичный мастер; потому что это сооружение переживет тысячу постояльцев.

Первый могильщик

Твое слово мне нравится, скажу по правде. Виселица — это хорошо. Но только как это хорошо? Это хорошо для тех, кто поступает дурно; а ты вот поступаешь дурно, говоря, что виселица построена прочнее, нежели церковь; отсюда эрго: виселица была бы хороша для тебя. Ну-ка, начинай сначала.

Второй могильщик

Кто прочнее строит, чем каменщик, судостроитель и плотник?

Первый могильщик

Да, скажи, и можешь гулять.

Второй могильщик

А вот могу сказать.

Первый могильщик

Ну-ка!

Второй могильщик

Нет, черт, не могу.

Входят Гамлет и Горацио, поодаль.

Первый могильщик

Не ломай себе над этим мозги; потому что глупый осел от колотушек скорей не пойдет, а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи «могильщик»: дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Йогену, принеси мне склянницу водки.

Второй могильщик уходит.

Первый могильщик

(*Копает и поет.*)

В дни молодой любви, любви,

Я думал — милей всего

Коротать часы — ох! — с огнем — ух! — в крови,

Я думал — нет ничего.

Г а м л е т

Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?

Г о р а ц и о

Привычка превратила это для него в самое простое дело.

Г а м л е т

Так всегда: рука, которая мало трудится, всего чувствительнее.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

(поет)

Но старость, крадучись, как вор,
Взяла своей рукой
И увезла меня в страну,
Как будто я не был такой.

(Выбрасывает череп.)

Г а м л е т

У этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его оземь, словно это Каинова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человека, который готов был провести самого господа бога,— разве нет?

Г о р а ц и о

Возможно, принц.

Г а м л е т

Или придворного, который говорил: «Доброе утро, дражайший государь мой! Как вы себя чувствуете, всемиловистейший государь мой?» Быть может, это государь мой Такой-то, который хвалил лошадь государя моего Такого-то, рассчитывая ее выпросить,— разве нет?

Г о р а ц и о

Да, мой принц.

Г а м л е т

Вот именно. А теперь это — государыня моя Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика. Вот замечательное превращение, если бы только мы обладали способностью его видеть! Разве так дешево стоило вскормить эти кости, что только и остается играть ими в рюхи? Моим костям больно от такой мысли.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

(поет)

Лопата и кирка, кирка,
И саван бел, как снег;
Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег.
(Выбрасывает еще череп.)

Г а м л е т

Вот еще один. Почему бы ему не быть черепом какого-нибудь законоведа? Где теперь его крючки и каверзы, его казусы, его кляузы и тонкости? Почему теперь он позволяет этому грубому мужику хлопать его грязной лопатой по затылку и не грозитя привлечь его за оскорбление действием? Хм! Быть может, в свое время этот молодец был крупным скупщиком земель, со всякими закладными, обязательствами, купчими, двойными поручительствами и взысканиями. Неужели все его купчие и взыскания только к тому и привели, что его землевладельческая башка набита грязной землей? Неужели все его поручительства, даже двойные, только и обеспечили ему из всех его приобретений, что длину и ширину двух рукописных крепостей? Даже его земельные акты вряд ли уместились бы в этом ящике; а сам обладатель только это и получил?

Г о р а ц и о

Ровно столько, мой принц.

Г а м л е т

Ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Г о р а ц и о

Да, мой принц, и из телячьей также.

Г а м л е т

Бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспечения.
Я поговорю с этим малым.— Чья это могила, любезный?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Моя, сударь.

(Поет.)

Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег.

Г а м л е т

Разумеется, твоя, раз ты в ней путаешься.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Вы, сударь, путаетесь не в ней, так, значит, она не ваша;
что до меня, то я в ней не путаюсь, и все-таки она моя.

Г а м л е т

Ты в ней путаешься, потому что ты стоишь в ней и говоришь, что она твоя. Она для мертвых, а не для живых; значит, ты путаешься.

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Это, сударь, путаница живая; она возьмет и перескочит от меня к вам.

Г а м л е т

Для какого христианина ты ее роешь?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Ни для какого, сударь.

Г а м л е т

Ну, так для какой христианки?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Тоже ни для какой.

Г а м л е т

Кого в ней похоронят?

Первый могильщик

Того, кто был когда-то христианкой, сударь; но она — упокой, боже, ее душу — умерла.

Гамлет

До чего точен этот плут! Приходится говорить осмотрительно, а не то мы погибнем от двусмысленности. Ей-богу, Горацио, за эти три года я заметил: все стали до того остры, что мужик носком задевает пятки придворному и берedit ему болячки.— Как давно ты могильщиком?

Первый могильщик

Из всех дней в году я начал в тот самый день, когда покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Гамлет

Как давно это было?

Первый могильщик

А вы сами сказать не можете? Это всякий дурак может сказать; это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет, тот, что сошел с ума и послан в Англию.

Гамлет

Вот как! Почему же его послали в Англию?

Первый могильщик

Да потому, что он сошел с ума; там он придет в рассудок; а если и не придет, так там это неважно.

Гамлет

Почему?

Первый могильщик

Там в нем этого не заметят: там все такие же сумасшедшие, как он сам.

Гамлет

Как же он сошел с ума?

Первый могильщик

Очень странно, говорят.

Г а м л е т

Как так «странно»?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да именно так, что лишился рассудка.

Г а м л е т

На какой почве?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да здесь же, в Дании; я здесь могильщиком с молодых годов, вот уж тридцать лет.

Г а м л е т

Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да что ж, если он не сгнил раньше смерти — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны едва выдерживают, — так он вам протянет лет восемь, а то и девять лет. Кожевник, тот вам протянет девять лет.

Г а м л е т

Почему же он дольше остальных?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Да шкура у него, сударь, от ремесла такая дубленая, что долго не пропускает воду; а вода, сударь, великий разрушитель для такого собачьего мертвеца. Вот еще череп; этот череп пролежал в земле двадцать лет и три года.

Г а м л е т

Чей же это?

П е р в ы й м о г и л ь щ и к

Сумасброда одного собачьего. По-вашему, это чей?

Г а м л е т

Право, не знаю.

Первый могильщик

Чума его разнеси, шалолая сумасбродного! Он мне однажды бутылку ренского на голову вылил. Вот этот самый череп, сударь, это — череп Йорика, королевского шута.

Гамлет

Этот?

Первый могильщик

Этот самый.

Гамлет

Покажи мне. (*Берет череп.*) Увы, бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине; а теперь — как отвратительно мне это себе представить! У меня к горлу подступает при одной мысли. Здесь были эти губы, которые я целовал сам не знаю сколько раз. — Где теперь твои шутки? Твои дурачества? Твои песни? Твои вспышки веселья, от которых всякий раз хохотал весь стол? Ничего не осталось, чтобы подтрунить над собственной ужимкой? Совсем отвисла челюсть? Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, хотя бы она нарисовалась на целый дюйм, она все равно кончит таким лицом; посмеши ее этим. — Прошу тебя, Горацио, скажи мне одну вещь.

Горацио

Какую, мой принц?

Гамлет

Как ты думаешь, у Александра* был вот такой же вид в земле?

Горацио

Точно такой.

Гамлет

И он так же пахнул? Фу! (*Кладет череп наземь.*)

Горацио

Совершенно так же, мой принц.

Г а м л е т

На какую низменную потребу можем мы пойти, Горацио! Почему бы воображению не проследить благородный прах Александра, пока оно не найдет его затыкающим бочечную дыру?

Г о р а ц и о

Рассматривать так — значило бы рассматривать слишком пристально.

Г а м л е т

Нет, право же, ничуть; это значило бы следовать за ним с должной скромностью и притом руководясь вероятностью. Например, так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля; из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?

Державный цезарь, обращенный в тлен,
Пошел, быть может, на обмазку стен.
Персть, целый мир страшившая вокруг,
Платает щели против зимних вьюг!..
Но тише! Отойдем! Идет король!

Входят священники и прочие процессией; тело Офелии, следом Лаэрт и провожающие, король, королева, их свита и прочие.

С ним королева, двор. Кого хоронят?
И так не по обряду? Видно, тот,
Кого несут, отчаянной рукой
Сам жизнь свою разрушил. Кто-то знатный.
Посмотрим издали.

(Отходит в сторону вместе с Горацио.)

Л а э р т

Какой еще обряд, скажите?

Г а м л е т

Это

Лаэрт, достойный юноша; смотри.

Лаэрт

Какой еще обряд?

Первый священник

Чин погребенья был расширен нами
Насколько можно; смерть ее темна;
Не будь устав преодолен столь властно,
Она ждала бы в несвятой земле
Трубы суда: взамен молитвословий
Ей черепки кидали бы и камни;
А ей даны невестины венки,
И россыпи девических цветов,
И звон, и проводы.

Лаэрт

И это все, что можно?

Первый священник

Все, что можно;
Мы осквернили бы святой обряд,
Спев реквием над ней, как над душою,
Отшедшей с миром.

Лаэрт

Опускайте гроб.
И пусть из этой непорочной плоти
Взрастут фиалки! — Слушай, черствый пастырь,
Моя сестра творца величить будет,
Когда ты в муке взвоешь.

Гамлет

Как! Офелия!

Королева

(бросая цветы)

Красивые — красивой. Спи, дитя!
Я думала назвать тебя невесткой
И брачную постель твою убрать,
А не могилу.

Лаэрт

Тридцать бед трехкратных
Да поразят проклятую главу
Того, кто у тебя злодейски отнял
Высокий разум! — Придержите землю,
В последний раз обнять ее хочу.

(Соскакивает в могилу.)

Теперь засыпьте мертвую с живым
Так, чтобы выросла гора, превысив
И Пелион и синего Олимпа*
Небесное чело.

Гамлет

(выступая вперед)

Кто тот, чья горе
Так выразительно, чья скорбь взывает
К блуждающим светилам, и они,
Остановясь, внимают с изумленьем?
Я, Гамлет Датчанин.

(Соскакивает в могилу.)

Лаэрт

Иди ты к черту!

(Схватывается с ним.)

Гамлет

Плоха твоя молитва.
Прошу тебя, освободи мне горло;
Хоть я не желчен и не опрометчив,
Но нечто есть опасное во мне,
Чего мудрей стеречься. Руки прочь!

Король

Разнять их!

Королева

Гамлет, Гамлет!

Все

Господа!..

Г о р а ц и о

Принц, успокойтесь.

Приближенные разнимают их, и они выходят из могилы.

Г а м л е т

Да, я за это биться с ним готов,
Пока навек ресницы не сомкнутся.

К о р о л е в а

За что же это, сын мой?

Г а м л е т

Ее любил я; сорок тысяч братьев
Всем множеством своей любви со мною
Не уравнились бы.— Что для нее
Ты сделаешь?

К о р о л ь

Лаэрт, ведь он безумен.

К о р о л е в а

Оставьте, ради бога!

Г а м л е т

Нет, покажи мне, что готов ты сделать?
Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать?
Напиться уксусу? Съесть крокодила?*

Я тоже. Ты пришел сюда, чтоб хныкать?
Чтоб мне назло в могилу соскочить?
Заройся с нею заживо,— я тоже.
Ты пел про горы; пусть на нас навалят
Мильоны десятин, чтоб эта глыба
Спала в знойной зоне, Оссу*
Сравнив с прыщом! Нет, если хочешь хвастать,
Я хвастаю не хуже.

К о р о л е в а

Это бред;

Как только этот приступ отбушует,

В нем тотчас же спокойно, как голубка
Над золотой четой птенцов, поникнет
Крылами тишина.

Г а м л е т

Скажите, сударь,
Зачем вы так обходитесь со мной?
Я вас всегда любил.— Но все равно,
Хотя бы Геркулес весь мир разнес,
А кот мяучит и гуляет пес.

(Уходит.)

К о р о л ь

Горацио, прошу, ступай за ним.

Г о р а ц и о уходит.

(Лаэрту.)

Будь терпелив и помни о вчерашнем,
Мы двинем дело к быстрому концу.—
Гертруда, пусть за принцем последят.—
Здесь мы живое водрузим надгробье*,
Тогда и нам спокойный будет час;
Пока терпенье — лучшее для нас.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зала в замке.

Входят Гамлет и Горацио.

Г а м л е т

Об этом хватит; перейдем к другому.
Ты помнишь ли, как это было все?

Г о р а ц и о

Принц, как не помнить!

Г а м л е т

В моей душе как будто шла борьба,
Мешавшая мне спать; лежать мне было

Тяжеле, чем колоднику. Внезапно,—
Хвала внезапности: нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так...

Г о р а ц и о

Вот именно.

Г а м л е т

Накинув мой бушлат,
Я вышел из каюты и в потемках
Стал пробираться к ним. Я разыскал их,
Стащил у них письмо и воротился
К себе опять. И был настолько дерзок —
Приличий страх не ведает,— что вскрыл
Высокое посланье. В нем, Горацио,—
О царственная подлость! — был приказ,
Весь уснащенный доводами пользы
Как датской, так и английской державы,
В котором так моей стращали жизнью,
Что тотчас по прочтенье, без задержки,
Не посмотрев, наточен ли топор,
Мне прочь снесли бы голову.

Г о р а ц и о

Возможно ль?

Г а м л е т

Посланье вот; прочти в досужий час.
Но хочешь знать, что сделал я затем?

Г о р а ц и о

О да, прошу вас.

Г а м л е т

Итак, кругом опутан негодяйством,—
Мой ум не сочинил еще пролога,
Как приступил к игре,— я сел, составил
Другой приказ; переписал красиво;
Когда-то я считал, как наша знать,

Стыдом писать красиво и старался
Забуть искусство это, но теперь
Оно мне удружило. Хочешь знать,
Что написал я?

Г о р а ц и о

Да, мой добрый принц.

Г а м л е т

От короля торжественный призыв,—
Зане ему Британец верный данник,
Меж нами цвесть, зане в венке пшеничном
Соединить их дружбу должен мир,
И много всяких выпрених «зане»,—
Увидев и прочтя сие посланье,
Не размышляя много или мало,
Подателей немедля умертвить,
Не дав и помолиться.

Г о р а ц и о

А печать?

Г а м л е т

Мне даже в этом помогало небо.
Со мной была отцовская печатка,
Печати датской точный образец;
Сложив письмо, как то, я подписал,
Скрепил его и водворил обратно
Неузнанным подкидышем. Наутро
Случился этот бой. Что было дальше,
Тебе известно.

Г о р а ц и о

А Гильденстерн и Розенкранц плывут.

Г а м л е т

Что ж, им была по сердцу эта должность:
Они мне совесть не гнетут; их гибель
Их собственным вторженьем рождена.
Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.

Г о р а ц и о

Ну и король!

Г а м л е т

Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой*,
С таким коварством удочку закинул
Мне самому, — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?
И не проклятье ль — этому червю
Давать кормиться нашею природой?

Г о р а ц и о

Он должен скоро получить из Англии
Известие о положении дел.

Г а м л е т

Должно быть, скоро; промежуток мой;
Жизнь человека — это молвить: «Раз».
Но я весьма жалею, друг Горацио,
Что я с Лаэртом позабыл себя;
В моей судьбе я вижу отраженье
Его судьбы. Я буду с ним мириться;
Но, право же, своим кичливым горем
Меня взбесил он.

Г о р а ц и о

Тише! Кто идет?

Входит О з р и к.

О з р и к

Приветствую вас, принц, с возвратом в Данию.

Г а м л е т

Покорно благодарю вас, сударь мой. — Ты знаешь эту
мошку?

Г о р а ц и о

Нет, мой добрый принц.

Г а м л е т

Тем большая на тебе благодать, потому что знать его есть порок. У него много земли, и плодородной; если скот владеет скотиной, то его ясли всегда будут стоять у королевского стола; это скворец, но, как я сказал, пространный во владении грязью.

О з р и к

Милейший принц, если бы у вашего высочества был досуг, я бы передал ему кое-что от имени его величества.

Г а м л е т

Я это восприму, сударь мой, со всем усердием разума. Сделайте из вашей шляпы должное употребление: она для головы.

О з р и к

Благодарю, ваше высочество, очень жарко.

Г а м л е т

Да нет же, поверьте мне, очень холодно: ветер с севера.

О з р и к

Действительно, мой принц, скорее холодно.

Г а м л е т

И все-таки, по-моему, очень душно и жарко для моей комплекции.

О з р и к

Чрезвычайно, мой принц; так душно, как будто... Не могу даже сказать. Но, мой принц, его величество повелело мне уведомить вас, что оно поставило на вас большой заклад. Дело в том, принц...

Г а м л е т

Я вас прошу, помните... *(Понуждает его надеть шляпу.)*

О з р и к

Право же, мой добрый принц, мне так удобнее, честное слово! Принц, здесь недавно ко двору прибыл Лаэрт. По-

верьте мне, совершеннейший дворянин, преисполненный самых отменных отличий, весьма мягкий обхождением и видной внешности. Поистине, если говорить о нем проникновенно, то это карта или календарь благородства, ибо вы найдете в нем совмещение всех тех статей, какие желал бы видеть дворянин.

Г а м л е т

Сударь мой, его определение не претерпевает в вас ни малейшего ущерба. Хотя, я знаю, разделяя его перечислительно, арифметика памяти запуталась бы, да и то мы бы только виляли вдогонку в рассуждении его быстрого хода. Но, в правдивости хвалы, я почитаю его душою великой сущности, а его наделенность столь драгоценной и редкостной, что, применяя к нему истинное выражение, его подобием является лишь его зеркало, а кто захотел бы ему следовать — его тенью, не более.

О з р и к

Ваше высочество говорит о нем весьма непогрешимо.

Г а м л е т

Но касательно, сударь мой? Ради чего мы обволакиваем этого дворянина нашим грубым дыханием?

О з р и к

Принц?

Г о р а ц и о

Или в чужих устах вы уже не понимаете? Да нет же, сударь, полноте.

Г а м л е т

Что знаменует упоминание об этом дворянине?

О з р и к

О Лаэрте?

Г о р а ц и о

(тихо, Гамлету)

Его кошелек уже пуст. Все золотые слова истрачены.

Г а м л е т

О нем, сударь мой.

О з р и к

Я знаю, что вы не лишены осведомленности...

Г а м л е т

Я надеюсь, что вы это знаете; хотя, по правде говоря, если вы это и знаете, то это еще не очень меня превозносит. Итак, сударь мой?

О з р и к

Вы не лишены осведомленности о том, каково совершенство Лаэрта.

Г а м л е т

Я не решаюсь в этом сознаться, чтобы мне не пришлось притязать на равное с ним совершенство; знать кого-нибудь вполне — это было бы знать самого себя.

О з р и к

Принц, я имею в виду оружие; по общему суждению, в этом искусстве он не ведает соперников.

Г а м л е т

Его оружие какое?

О з р и к

Рапира и кинжал.

Г а м л е т

Это его оружие. Ну так что?

О з р и к

Мой принц, король поставил против него в заклад шесть берберийских коней, взамен чего тот выставил, насколько я знаю, шесть французских рапир и кинжалов с их принадлежностями, как-то: пояс, портупей и прочее; три из этих сбруй, честное слово, весьма тонкого вкуса, весьма ответственуют рукоятям — чрезвычайно изящные сбруи и очень приятного измышления.

Г а м л е т

Что вы называете сбруями?

Г о р а ц и о
(тихо, Гамлету)

Я так и знал, что вам еще придется заглянуть в примечания.

О з р и к

Сбруи, мой принц, это портупеи.

Г а м л е т

Это слово было бы скорее сродни предмету, если бы мы на себе таскали пушку, а пока пусть это будут портупеи. Но дальше. Шесть берберийских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трех приятно измысленных сбруй — таков французский заклад против датского. Ради чего он «выставлен», как вы это называете?

О з р и к

Король, мой принц, поспорил, мой принц, что в двенадцать ваших схваток с ним он не опередит вас больше чем на три удара; он ставит двенадцать против девяти; и может последовать немедленное состязание, если ваше высочество сообразовалит дать ответ.

Г а м л е т

А если я отвечу «нет»?

О з р и к

Я хочу сказать, мой принц, если вы сообразовалите лично выступить в состязании.

Г а м л е т

Сударь, я буду гулять в этой палате. Если его величеству угодно, это мое ежедневное время отдыха. Пусть принесут рапиры; буде этому господину охота и буде король остается при своем намерении, я для него выиграю, если могу; если нет, мне достанутся только стыд и лишние удары.

О з р и к

Могу передать именно так?

Г а м л е т

В таком смысле, сударь мой, с теми приукрашениями, какие вам будут по вкусу.

О з р и к

Препоручаю мою преданность вашему высочеству.

Г а м л е т

Весь ваш, весь ваш.

О з р и к уходит.

Он хорошо делает, что препоручает себя сам: ничей язык не сделал бы этого за него.

Г о р а ц и о

Побежала пигалица со скорлупкой на макушке*.

Г а м л е т

Он любезничал с материнской грудью, прежде чем ее сосать. Таким вот образом, как и многие другие из этой же стаи, которых, я знаю, обожает наш пустой век, он перенял всего лишь современную погудку и внешние приемы обхождения; некую пенистую смесь, с помощью которой они выражают самые нелепые и вымученные мысли; а стоит на них дунуть ради опыта — пузырей и нет.

Входит вельможа.

В е л ь м о ж а

Принц, его величество приветствовал вас через молодого Озрика, и тот принес ответ, что вы его дожидаетесь в этой палате. Он шлет узнать, остаетесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом или же вы предпочли бы повременить.

Г а м л е т

Я постоянен в своих решениях; они совпадают с желаниями короля. Если это ему удобно, то я готов. Сейчас или когда угодно, лишь бы я был так же расположен, как сейчас.

В е л ь м о ж а

Король и королева и все сойдут сюда.

Г а м л е т

В добрый час.

В е л ь м о ж а

Королева желает, чтобы вы как-либо радушно обошлись с Лаэртом, прежде чем начать состязание.

Г а м л е т

Это добрый совет.

В е л ь м о ж а уходит.

Г о р а ц и о

Вы проиграете этот заклад, мой принц.

Г а м л е т

Я не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я не переставал упражняться: при лишнях очках я выиграю. Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у меня на сердце. Но это все равно.

Г о р а ц и о

Нет, дорогой мой принц...

Г а м л е т

Это, конечно, глупости, но это словно какое-то предчувствие, которое, быть может, женщину и смутило бы.

Г о р а ц и о

Если вашему рассудку чего-нибудь не хочется, то слушайте его. Я предупрежу их приход сюда и скажу, что вы не расположены.

Г а м л е т

Отнюдь. Нас не страшат предвестия; и в гибели воробья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь; готовность — это все. Раз то, с чем мы расстаемся, принадлежит не нам, так не все ли равно — расстаться рано? Пусть будет.

Входят король, королева, Лаэрт и вельможи, Озрик и другие приближенные с рапирами и рукавицами; стол, и на нем кувшины с вином.

К о р о л ь

Тебе вручаю эту руку, Гамлет.

Король кладет руку Лаэрта в руку Гамлета.

Г а м л е т

Простите, сударь, я вас оскорбил;
Но вы простите мне как дворянин.
Собравшимся известно, да и вы,
Наверно, слышали, как я наказан
Мучительным недугом. Мой поступок,
Задевший вашу честь, природу, чувство,—
Я это заявляю,— был безумьем.
Кто оскорбил Лаэрта? Гамлет? Нет. .
Ведь если Гамлет разлучен с собою
И оскорбляет друга, сам не свой,
То действует не Гамлет; Гамлет чист.
Но кто же действует? Его безумье.
Раз так, он сам из тех, кто оскорблен;
Сам бедный Гамлет во вражде с безумьем.
Здесь, перед всеми,
Отрекшись от умышленного зла,
Пусть буду я прощен великодушно
За то, что я стрелу пустил над кровлей
И ранил брата.

Л а э р т

Примирен мой дух,
Который должен бы всего сильнее
Взывать к отмщенью; но в вопросе чести
Я в стороне, и я не примирюсь,
Пока от старших судей строгой чести
Не получу пример и голос к миру,
В ограду имени. До той поры
Любовь я принимаю как любовь
И буду верен ей.

Г а м л е т

Сердечно вторю
И буду честно биться в братской схватке.—
Подайте нам рапиры.

Лаэрт

Мне одну.

Гамлет

Моя неловкость вам послужит фольгой*,
Чтоб мастерство, как в сумраке звезда,
Блеснуло ярче.

Лаэрт

Вы смеетесь, принц!

Гамлет

Клянусь рукой, что нет.

Король

Подай рапиры, Озрик.— Милый Гамлет,
Заклад тебе знаком?

Гамлет

Да, государь;
И ваш заклад на слабой стороне.

Король

Я не боюсь. Я видел вас обоих;
Он стал искусней, но дает вперед.

Лаэрт

Нет, тяжела; нельзя ли мне другую?

Гамлет

Мне по руке.— Длина у всех одна?

Озрик

Да, принц.

Они готовятся к бою.

Король

Вино на стол поставьте.— Если Гамлет
Наносит первый иль второй удар
Или дает ответ при третьей схватке,
Из всех бойниц велеть открыть огонь;

За Гамлета король подымет кубок,
В нем утопив жемчужину ценнее
Той, что носили в датской диадеме
Четыре короля.— Подайте кубки,
И пусть литавра говорит трубе,
Труба — сторожевому пушкарю,
Орудья — небу, небеса — земле:
«Король пьет здравье Гамлета!» — Начнемте.—
А вы следите зорким оком, судьи.

Г а м л е т

Начнем.

Л а э р т

Начнемте, принц.

Бьются.

Г а м л е т

Раз.

Л а э р т

Нет.

Г а м л е т

На суд.

О з р и к

Удар, отчетливый удар.

Л а э р т

Что ж, дальше.

К о р о л ь

Постойте, выпьем.— Гамлет, жемчуг — твой.
Пью за тебя.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Подайте кубок принцу.

Г а м л е т

Сперва еще сражусь; пока отставьте.
Начнем.

Бьются.

Опять удар. Ведь вы согласны?

Лаэрт

Задет, задет, я признаю.

Король

Наш сын

Одержит верх.

Королева

Он тучен и одышлив.—

Вот, Гамлет, мой платок, лоб оботри.

За твой успех пьет королева, Гамлет.

Гамлет

Сударыня моя!..

Король

Не пей, Гертруда!

Королева

Мне хочется. Простите, сударь.

Король

(в сторону)

Отравленная чаша. Слишком поздно!

Гамлет

Еще я не решаюсь пить, потом.

Королева

Приди, я оботру тебе лицо.

Лаэрт

Мой государь, теперь я трону.

Король

Вряд ли.

Лаэрт

(в сторону)

Почти что против совести, однако.

Г а м л е т

Ну, в третий раз, Лаэрт, и не шутите,
Деритесь с полной силой; я боюсь,
Вы неженкой считаете меня.

Л а э р т

Вам кажется? Начнем.

Бьются.

О з р и к

Впустую тот и этот.

Л а э р т

Берегитесь!

Лаэрт ранит Гамлета; затем в схватке они меняются рапирами, и Гамлет ранит Лаэрта.

К о р о л ь

Разнять! Они забылись!

Г а м л е т

Нет, еще!

Королева падает.

О з р и к

О, помогите королеве! — Стойте!

Г о р а ц и о

В крови тот и другой.— В чем дело, принц?

О з р и к

Лаэрт, в чем дело?

Л а э р т

В свою же сеть кулик попался, Озрик*;
Я сам своим наказан вероломством.

Г а м л е т

Что с королевой?

К о р о л ь

Видя кровь, она
Лишилась чувств.

К о р о л е в а

Нет, нет, питье, питье,—
О Гамлет мой,— питье! Я отравилась.

(Умирает.)

Г а м л е т

О злодеянье! — Эй! Закройте двери!
Предательство! Сыскать!

Л а э р т

(падает)

Оно здесь, Гамлет. Гамлет, ты убит;
Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаса жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; гнусным ковом
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать; погибла мать твоя;
Я не могу... Король... король виновен.

Г а м л е т

Клинок отравлен тоже! —
Ну, так за дело, яд!

(Поражает короля.)

В с е

Измена!

К о р о л ь

Друзья, на помощь! Я ведь только ранен.

Г а м л е т

Вот, блудодей, убийца окаянный,
Пей свой напиток! Вот тебе твой жемчуг!*

Ступай за матерью моей!

Король умирает.

Лаэрт

Расплата

Заслужена: он сам готовил яд.—
Простим друг другу, благородный Гамлет.
Да будешь ты в моей безвинен смерти
И моего отца, как я в твоей!

(Умирает.)

Гамлет

Будь чист пред небом! За тобой иду я.—
Я гибну, друг.— Прощайте, королева
Злосчастная! — Вам, трепетным и бледным,
Безмолвно созерцающим игру,
Когда б я мог (но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы...—
Но все равно,— Горацио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Неутоленным.

Горацио

Этому не быть;
Я римлянин, но датчанин душою;
Есть влага в кубке.

Гамлет

Если ты мужчина,
Дай кубок мне; оставь; дай, я хочу,
О друг, какое раненое имя,
Скрой тайна все, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за бранный шум?

Озрик

То юный Фортинбрас пришел из Польши
С победою и этот залп дает
В честь английских послов.

Г а м л е т

Я умираю;
Могучий яд затмил мой дух; из Англии
Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий — ему.
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина.

(Умирает.)

Г о р а ц и о

Почил высокий дух! Спи, милый принц,
Спи, убаюкан пеньем херувимов!
Зачем все ближе барабанный бой?

Марш за сценой.

Входят Фортинбрас и английские послы, с барабанным боем, знаменами, и свита.

Ф о р т и н б р а с

Где это зрелище?

Г о р а ц и о

Что ищет взор ваш?
Коль скорбь иль изумленье, — вы нашли.

Ф о р т и н б р а с

Вся эта кровь кричит о бойне. — Смерть!
О, что за пир подземный ты готовишь,
Надменная, что столько сильных мира
Сразила разом?

П е р в ы й п о с о л

Этот вид зловещ,
И английские вести опоздали;
Бесчувствен слух того, кто должен был
Услышать, что приказ его исполнен,
Что Розенкранц и Гильденстерн мертвы
Чьих уст нам ждать признательность?

Г о р а ц и о

Не этих,
Когда б они благодарить могли;

Он никогда не требовал их казни.
Но так как прямо на кровавый суд
Вам из похода в Польшу, вам — из Англии
Пришлось поспеть, пусть на помост высокий
Положат трупы на виду у всех,
И я скажу незнающему свету,
Как все произошло. То будет повесть
Бесчеловечных и кровавых дел,
Случайных кар, негаданных убийств,
Смертей, в нужде подстроенных лукавством,
И, наконец, коварных козней, павших
На головы зачинщиков. Все это
Я изложу вам.

Ф о р т и н б р а с

Поспешим услышать
И созовем знатнейших на собрание.
А я, скорбя, свое приемлю счастье;
На это царство мне даны права,
И заявить их мне велит мой жребий.

Г о р а ц и о

Об этом также мне сказать придется
Из уст того, чей голос многих скличет;
Но поспешим, пока толпа дика,
Чтоб не было ошибок, смут и бедствий.

Ф о р т и н б р а с

Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана;
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный; и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем.—
Возьмите прочь тела.— Подобный вид
Пристоен в поле, здесь он тяготит.—
Войскам открыть пальбу.

Похоронный марш. Все уходят, унося тела, после чего раздается пушечный залп.

«ГАМЛЕТ»

Стр. 22. *Эльсинор* — город в Дании, расположенный на берегу пролива, отделяющего Данию от Скандинавского полуострова.

Стр. 25. *Кусок его* — шуточное выражение, вроде нашего «Я за него».

На штурм твоих ушей, для нашего рассказа неприступных. — Образованный Горацио — скептик, не верящий в рассказы о духах.

Стр. 26. *Ты книжник; обратись к нему, Горацио.* — Горацио знает латынь, а заклинания духов произносились по-латыни.

Он ждет вопроса. — Согласно древнему поверью, призраки не могли заговорить первыми.

Стр. 27. *Норвежцу* — норвежский король, так же как дальше *Датчанин* — датский король, *Британец* — английский, и т. д.

Стр. 29. Римский император Юлий Цезарь был убит заговорщиками во главе с Брутом и Кассием в 44 году до н. э.

Влажная звезда — луна, по старинному представлению управляющая приливами и отливами.

Нептун — бог моря. *Нептунова держава* — морские воды.

Я порчи не боюсь. — Считалось, что человеку грозит «порча», если он ступит на то место, где явился призрак.

Стр. 30. *Протазан* — алебарда, бердыш, широкое копье.

Стр. 35. *Виттенберг.* — Виттенбергский университет один из самых старых университетов Германии, где обучались иностранные студенты, в том числе и датчане.

Стр. 36. *Пусть то взаимно будет* — то есть отнеситесь и вы ко мне, как к доброму другу.

Стр. 53. *Лазарь* — прокаженный нищий, о котором упоминается в евангелии.

Стр. 55. *Илло, хо-хо!* — клич сокольников

Стр. 70. Он вне твоей звезды — то есть он находится вне влияния той звезды, которая управляет твоей судьбой (он тебе не пара).

Стр. 73. Уйти из этого воздуха, принц? — то есть из душной галереи, где они находятся.

Стр. 79. Но там имеется выводок детей.— Во времена Шекспира в Лондоне существовала детская актерская труппа, которая состояла главным образом из певчих королевской капеллы и исполняла те же пьесы, что и взрослые труппы. Детский театр пользовался таким шумным успехом, что взрослым актерам, в том числе, по-видимому, и шекспировской труппе, приходилось в поисках зрителей совершать поездки в провинцию.

Геркулеса вместе с его ношей.— У входа в театр «Глобус», где игрались шекспировские пьесы, был изображен Геркулес, державший на плечах небесную сферу.

Стр. 81. Квинт Росций Галл — знаменитый римский актер I века до н. э.

Сенека — римский философ и писатель I века н. э., автор трагедий, очень ценившихся во времена Шекспира.

Плавт — римский писатель III и II веков до н. э., автор комедий, часто ставившихся во времена Шекспира и оказавших большое влияние на английские комедии.

О Иеффай, судия израильский.— По библейскому преданию, Иеффай, судья израильский, дал обет в случае победы израильтян над врагами принести в жертву богу первое живое существо, которое он увидит. Вернувшись с поля битвы, он прежде всего увидел свою дочь, и ему пришлось принести ее в жертву. Это предание легло в основу английской народной баллады, которую цитирует Гамлет.

Стр. 82. Моя молодая госпожа.— Во времена Шекспира женские роли исполнялись мужчинами, обычно молодыми, которые могли еще подрасти.

Для большинства это была икра.— Привозная русская икра была в то время изысканным лакомством, мало кому доступным.

Стр. 83. Косматый Пирр.— Пирр, сын Ахилла, один из греческих вождей, проникших в Троию в деревянном коне. *Косматый* — с украшающим шлем конским хвостом.

Гирканский зверь — тигр. *Гиркания* — область на севере Древней Персии, изобиловавшая свирепыми тиграми.

Финифть и червлень — термины, взятые из геральдики. Первое слово означает эмаль, употребляемую при изображении гербов, второе — алый фон герба.

Стр. 96. Термагант — в средневековых песнях и пьесах жестокое сарацинское божество.

Готовы Ирода переизродить.— В старых мистериях Ирод изображался необыкновенно жестоким тираном.

Стр. 99. Эти слова не мои — то есть это не вытекает из моих слов, не имеет отношения к чему-либо сказанному мною.

Брутально — грубо, жестоко.

Стр. 101. Конек-скакунок — одна из фигур площадного театра, конская кукла, укреплявшаяся на туловище актера, который таким образом превращался во всадника. Под влиянием пуританской проповеди она вышла из обихода, на что и жалуется баллада, которую цитирует Гамлет.

Малечо (malhecho) — испанское слово, перевод которого Гамлет дает тут же.

Стр. 102. Что это: пролог или стихи для перстня? — Существовал обычай вырезать на перстнях изречения в стихах.

Се тридцать раз — то есть прошло тридцать лет: тридцать раз по двенадцать месяцев.

Стр. 105. Вы отличный хор, мой принц.— Хором в старинном театре было лицо, пояснявшее действие.

Я бы мог служить толкователем.— В кукольном театре такое лицо называлось толкователем.

Стр. 107. Мой милый Дамон — вероятно, отрывок из несохранившейся баллады или пьесы.

Горацио ожидал, что Гамлет скажет: «*Здесь царствует осел*».

Стр. 110. Клянусь этими ворами и грабителями...— Гамлет так в шутку называет свои руки.

Пока трава растет...— Пословица гласит: «Пока трава растет, хилая лошадь околеть может».

Стр. 112. Душа Нерона в эту грудь не увидит...— Римский император Нерон (I век н. в.), известный своей жестокостью, убил родную мать.

Стр. 120. Король из пестрых тряпок...— Гамлет называет Клавдия шутом. Шуты носили костюмы, сшитые из разноцветных лоскутьев.

Стр. 121. О, не смотри...— Эти слова и следующие строки обращены к Призраку.

Стр. 123. Когда возжаждете благословенья, я к вам за ним приду — то есть когда ваша душа очистится, я сам приду к вам просить, чтобы вы благословили меня.

Стр. 124. Вот кто теперь ускорит наши сборы.— Эти и следующие слова относятся к трупу Полония.

Стр. 128. Беги, лиса, и все за ней — слова из детской игры.

Стр. 135. Перловица на тулье. — Пилигримы, отправлявшиеся за море, украшали свои шляпы раковинами.

Стр. 136. Говорят, у совы отец был хлебник. — В голове у Офелии смешиваются обрывки различных песен и поверий. Существовала легенда о дочери хлебника, которую Христос за ее скупость превратил в сову.

Стр. 137. Валентинов день — справлялся 14 февраля, когда молодые люди и девушки гадали и бросали жребий, чтобы найти себе «Валентину» или «Валентина» (суженую или суженого). Иногда «Валентиной» считалась первая девушка, увиденная в утро этого дня.

Стр. 140. Что причиной, Лазерт, что ты мятежен, как гигант? — Намек на миф о титанах, восставших против олимпийских богов.

Стр. 141. И, жизнью жертвуя, как пеликан, отдам им кровь свою. — Существовало поверье, что пеликан питает своих птенцов собственным телом и кровью.

Пока не дрогнет чаша — то есть пока твое безумие не будет уравновешено достойной мезтью.

Стр. 146. Его оковы обратит в узор — то есть толпа, которая любит Гамлета, «оставит без внимания его вину, и те оковы, которые я на него наложил бы, послужат ему в его глазах только украшением».

Стр. 149. Он о тебе признался — то есть, «говоря о тебе, признал твое превосходство в искусстве фехтования».

Стр. 150. Да, для убийства нет святой защиты — то есть святость места не может служить защитой убийце (Гамлету).

Стр. 153. Эрго (Ergo) — латинское слово, означающее «следовательно».

Стр. 154. Они продолжают ремесло Адама. — Адам, согласно библейской легенде, первый человек, созданный богом. Изгнанный из рая, Адам должен был обрабатывать землю, чтобы добывать себе пропитание.

Если ты ответишь невпопад, то покайся. — Дальше подразумевается: и пусть тебя повесят.

Стр. 161. Гамлет говорит об Александре Македонском, знаменитом полководце-завоевателе (IV век до н. э.).

Стр. 164. Пелион, Олимп — высокие горы в Греции.

Стр. 165. Напиться уксусу? Съесть крокодила? — Шекспир смеется над аффектацией чувств. Влюбленные щеголи пили уксус, чтобы быть бледными, или, чтобы доказать свою любовь, приносили обет съесть чучело одного из тех крокодилов, которыми были украшены окна аптекарских лавок.

Осса — высокая гора в Греции.

Стр. 166. Здесь мы живое водрузим надгробье.— Выражение это может быть понимаемо двояко: прочное надгробие, сопротивляющееся времени, и надгробие не из камней, а из тела убитого Гамлета.

Стр. 169. Стал меж избраньем и моей надеждой — то есть разрушил мою надежду быть избранным на престол.

Стр. 174. Побежала пигалица со скорлупкой на макушке. Гамлет насмехается над юным Озриком, корчащим из себя настоящего царедворца. Считалось, что пигалица начинает бегать, едва вылупившись из яйца. *Скорлупка* — большая шляпа Озрика.

Стр. 177. Моя неловкость вам послужит фольгой.— *Фольга* — слой металла, который подкладывают под драгоценный камень, чтобы придать ему больший блеск. Гамлет хочет сказать, что на фоне его неловкости еще больше оттенится искусство Лаэрта.

Стр. 180. В свою же сеть кулик попался, Озрик.— Ученый кулик, служащий птицеловам для приманки, может иногда сам попасть в силос.

Стр. 181. Вот тебе твой жемчуг! — Король вместо жемчужины бросил в кубок яд.

М. М. Морозов

СОДЕРЖАНИЕ

И. Верцман. ТРАГЕДИЯ МЫСЛИ И ВОЛИ	5
ГАМЛЕТ. <i>Перевод М. Лозинского</i>	21
М. М. Морозов. КОММЕНТАРИИ	185

Для средней школы

Шекспир Уильям

ГАМЛЕТ

ИБ № 6802

Ответственный редактор

Т. П. Владимирская

Художественный редактор

О. К. Кондакова

Технический редактор

Л. П. Костикова

Корректоры

А. Ю. Березутская и Г. Ю. Жильцова

Подписано к печати с готовых диапозитивов
фабрики «Детская книга» № 1. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бум. типогр. № 2. Шрифт академ. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 11,19. Уч.-изд. л. 7,89. Тираж 500 000. (100001—500 000) вкз. Заказ № 1952. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Отпечатано на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Рославлеполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября 46.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Шекспир У.

Ш41 Гамлет: Трагедия/ Пер. с англ. М. Лозинского;
Вступительная статья И. Верцмана; Коммент.
М. М. Морозова.— М.: Дет. лит., 1983.— 190 с.—
(Школьная б-ка).

В пер.: 40 к.

«Гамлет» Шекспира — одно из величайших произведений мировой литературы по глубине и масштабу поставленных в ней философских и социальных проблем.

III 4803020000—500 421—82
M101(03)83

И(Англ)

120

40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»